

A movie poster featuring a young man and woman. The man, on the left, is looking off to the side with a serious expression. The woman, on the right, is looking directly at the camera with a soft smile. They are both wearing dark clothing. The background is dark with some light effects. The title 'Осколки нашей любви' is written in large, stylized letters at the bottom. The name 'МАРИЯ ВЫСОЦКАЯ' is written in smaller letters at the top right.

МАРИЯ
ВЫСОЦКАЯ

ОСКОЛКИ
нашей
ЛЮБВИ

Мария Высоцкая

Осколки нашей любви

<https://litres.ru/74206669>

Аннотация

НОВИНКА - ВЛЮБИТЬСЯ В МЕРЗАВЦА — Пусти! — Не могу. Я тебя купил, Польша. — Что? Ты больной, Кудяков? — Не-а. Я купил тебя на эту ночь, — шепчет, вынуждая меня вжаться в стену. — Прикинь. — Что ты несешь? — хватаю ртом воздух и чувствую, как по телу разливается жар. Лицо, плечи, живот, бедра. Я натурально начинаю гореть. Картинка перед глазами слегка смазывается, а звуки становятся чуть тише. — Судя по всему, уже действует — Вэл, что со мной? — бормочу, вцепившись ему в предплечья. — Ты же слышала, у них здесь все по согласию, Полина. Вот они и позаботились, чтобы ты была не против. Он говорит медленно, почти ласково, а потом встряхивает меня как куклу и орет мне в лицо: — Какого черта ты сюда приперлась, идиотка?! Они расстались, но так и не смогли друг друга отпустить!

Будет горячо, эмоционально, романтично, немного трагично, но ХЭ гарантирован!

Бесплатная предыстория:

Моя новинка : "Он поспорил на тебя" :

(18+) Книга содержит контент, предназначенный исключительно для совершеннолетней аудитории: нецензурная

брань, сцены употребления алкоголя и табака, а также эротические сцены.

Содержание

1	5
2	11
3	17
4	21
5	25
6	30
7	35
8	40
9	48
10	55
11	60
12	65
13	72
14	77
15	84
16	91
17	98
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Полина

— Поль, у тебя размер одежды какой?

— Сорок два, — замираю посреди зала со шваброй в руках.

Виола вытягивает губы трубочкой и довольно кивает, шлепая подушечкой пальца по экрану смартфона.

— Отлично. Дашка с гриппом слегла, нужна замена. Алька говорила, что тебе деньги нужны...

— Нужны, — веду плечом, автоматически озираясь по сторонам.

Клуб, в котором я работаю уборщицей, не совсем обычный. Здесь проходят бои без правил, поэтому персонал подбирается тщательно, платят, естественно, тоже прилично, сразу и наличкой.

Главное требование — молчать обо всем, что здесь видишь, и строго соблюдать правила.

С моими финансовыми сложностями это третья и, если честно, самая простая работа. Я попала сюда через знакомую. Соседку по квартире. Она уже больше года танцует здесь гоу-гоу.

— Танцевать голой я не буду, — оговариваю сразу.

Виола смотрит на меня пару секунд, а потом начинает громко хохотать. Ее смех режет уши.

— Малышка, я тебе и не предлагаю. Ты уж прости, но у тебя толком посмотреть не на что. Официанткой работала когда-нибудь?

— Ага, — киваю.

— Ну и чудненько. Тогда домывай здесь все, и на вторую смену остаешься. Марина тебе форму выдаст.

— Ладно, — снова киваю. — Виол, а по деньгам сколько?

— А ты здесь у меня сколько за смену получаешь?

Называю сумму. Виола прищуривается, замолкает ненадолго, а потом с улыбкой отвечает:

— В пять раз больше. Устраивает? По глазам вижу, что да. Ну и чудненько, крошка.

Стук каблучков Виолы слышу еще долго. Вечером, когда клуб готовится к открытию, здесь достаточно малоллюдно, а пространства огромные, поэтому эхо сумасшедшее и разносится на метры.

Домываю зал и звоню подруге, чтобы предупредить, что домой приду только утром.

— Варюш, я остаюсь подменять официантку, так что не жди и не волнуйся.

— Поняла. Будь осторожна, ладно?

— Конечно.

Варя не одобряет это место. Я и сама пару месяцев назад не одобрила бы, но иногда бывают настолько безвыходные

и угрожающие жизни ситуации, что с легкостью поступишь-
ся многими своим принципами. Я примерно так и сделала,
когда узнала, что родная тетка загнала меня в баснословные
долги.

— Ладно. Тогда жду утром. Кстати, Михална опять из ума
выжила, говорит, что мы по ночам мужиков водим.

Закатываю глаза. Бабушка, у которой мы с Варей снимаем
комнату чуть больше месяца, уже не первый раз несет подоб-
ный бред, о котором через два-три дня сама же благополучно
забывает. Насколько это адекватная плата за комнату в цен-
тре столицы, еще и за смешной ценник большой вопрос?! Да
и выбирать особо не приходится, когда тебя чуть ли не среди
ночи выселяют из общаги.

— Поль! — зовет Марина.

— Все, Вареник, я отключаюсь. — Вырубаю телефон и
прячу его в карман. С телефонами для персонала тут тоже
строго. Не дай бог что-то «не то» сфоткать. — Я здесь, Ма-
рин.

— Пошли. Вещи я подготовила. Ох, — смотрит на копну
моих волос.

— Рыжая бестия. Сколько лака мне понадобится, чтобы
зализать вот это все тебе в хвост?!

— Надеюсь, за лак Виола не вычтет, — смеюсь.

Марина поддерживает мой смех и провожает на второй
этаж, именно там располагаются душевые и гримерные.

Примерно через час она заканчивает прилизывать мои во-

лосы и быстро инструктирует о работе:

— Дашка к главной випке прикреплена. Тебя Виола, может, в зал переведет. Но сути это не меняет. Говоришь только по делу, не грубишь, на гостей не пялишься и вообще стараешься быть тенью.

— Поняла, — киваю и поправляю платье. Короткое черное платье, инкрустированное черными стразами и облегающее фигуру словно вторая кожа. На ногах ко всему прочему еще и каблуки. — Мне весь вечер в них ходить? — смотрю на туфли.

— Не развалишься, — холодно улыбается Марина. — И главное, если появятся близнецы, сама у них ничего не спрашиваешь. Первой вообще не заговариваешь. Если им что-то будет нужно, сами позовут. Поняла?

— Да.

Киваю и чувствую, как внутри все сжимается. Близнецы владеют этим местом. Они действительно близнецы, два брата, тесно связанные с криминалом. По крайней мере, так говорят. А еще говорят, что иногда в этих стенах бои на ринге заканчиваются смертью одного из бойцов...

— Ну и супер. Так, — смотрит в телефон, — Ви пишет, что ты за главной випкой остаешься.

— Поняла.

— Ну иди тогда, чего встала? Через двадцать минут открываемся.

Часто киваю и исчезаю из поля зрения Марины.

Двадцать минут проходят быстро. Появляются первые гости, а потом еще и еще. Главная ВИП-комната пуста, поэтому меня временно выпускают в зал. Пока ношусь там с подносами, чувствую, как дерет кожу на пятке. Стерла в кровь — это подмечаю уже на кухне. Именно в этот момент, как назло, сообщают, что главную випку заняли и мне нужно срочно подниматься туда.

Я тороплюсь, игнорируя боль. Щеки печет от скорости, волнения и какого-то странного чувства тревоги.

Как только оказываюсь внутри, бесшумно прикрываю за собой дверь.

На рассевшихся на диване близнецов не смотрю. Блуждаю взглядом по полу, стенам...

Исключительно по силуэтам понимаю, что тут пять человек, не считая меня.

— Зрелище будет дикое, — басит кто-то из владельцев.

— За этим мы сюда и пришли, — слышу до боли знакомый голос и покрываюсь мурашками.

Знаю, что не следует, но все же поднимаю взгляд. Это он. Он...

Хочется исчезнуть. Как он тут оказался? Мы четыре месяца не виделись. Он меня унизил. Он меня втоптал в грязь, а потом приехал с извинениями, словно это простая формальность...

Я думала, что это любовь. Верила ему. Верила потому, что сама любила, нет, люблю. До сих пор. Полная дура, знаю, но

сердцу же не прикажешь.

Пячусь и чувствую, как мои лопатки касаются стены.

— Пацаны, вы заказывайте, все за счет заведения!

— Аппетит как-то пропал, — Вэл холодно улыбается, глядя прямо на меня. — Но попробовать эту рыжую я бы не отказался.

Эта история о первой любви. О запретах, которые мы сами для себя выдумываем, и о страхах, которые не решаемся преодолеть.

Нас ждут большие чувства. Стекло. Море разных эмоций. Вы будете любить и ненавидеть вместе с героями! Скромница и плохой мальчик, звучит банально, знаю, но уверена, что смогу вас удивить;)

— У нас только по согласию, ты же знаешь, — скалится один из близнецов, оглядываясь на меня.

Его улыбка пугает, как и шрам, рассекающий щеку.

— Ага, — Вэл кивает. — Естественно, по согласию.

Молчу. Хочу сквозь землю провалиться и не знаю, куда себя деть. Даже, куда смотреть, не представляю, любая точка сейчас кажется опасной.

Что он тут делает? Что?

Пока я хаотично соображаю, гости делают заказ. Отмечаю все в планшете дрожащими пальцами. Щеки горят. Я чувствую, что он продолжает на меня пялиться, причем так, словно до сих пор считает виноватой! Разве не он три месяца назад просил у меня прощения? Разве не он?

Хочется всхлипнуть от бессилия, но я держусь. Отмечаю позиции в меню, вцепившись в планшет, как в спасательный круг.

Наша с Вэлом история закончилась плохо, но она закончилась. Долго и счастливо не случилось и не случится уже никогда!

Его отец оказался против, чтоб богатый мальчик был с кем-то вроде меня. Деревенщина без рода и племени. Он был

так против, что сфальсифицировал кражу в квартире собственного сына, в которой благополучно обвинил меня. Подставил. Он меня подставил, а Вэл ему поверил.

Нет! Все было так естественно, что, возможно, я бы на его месте тоже поверила, возможно...

Все вскрылось быстро и так же болезненно, но я сделала свой выбор, осознала, что нельзя быть с человеком без доверия, а Вэл мне не доверял.

Я нашла в себе силы отказаться от него. Наверное, в глубине души больше даже из страха, что его отец снова что-нибудь придумает. Он открыто мне угрожал, и я отлично усвоила урок.

Выбрала себя. Эгоистично? Как есть!

— Чего встала? Иди, — раздражается один из близнецов.

Вздрагиваю, крепко прижимаю к себе планшет и иду к двери. Все это время лопатками чувствую на себе неотрывный взгляд. Чувствую и знаю, кому он принадлежит, конечно.

Как только оказываюсь в коридоре, хватаю губами воздух. Мороз по коже после этой встречи. Он никогда так на меня не смотрел. Никогда!

Сегодня это был нечеловеческий взгляд, озлобленный, циничный. Я для него словно не была человеком сейчас...

Пока жду на кухне заказ, успеваю заклеить пятку пластырем и хорошенько вымыть руки.

— Полин, тебя там Виола зовет. Она в зале, — предупре-

ждает заглянувшая на кухню Жанна. Тоже официантка.

Быстро поправляю платье и иду к бару, за которым сидит Виола.

— Я тебя на минуточку отвлеку. Пока заказ готовят, — Ви упирается локтем в барную стойку и прокручивается на стуле, чтобы видеть мое лицо.

— Конечно.

— Как ты? Справляешься?

— Да, все отлично.

Хочется добавить: если не брать в расчет стертую в кровь пятку и моего бывшего.

— Хорошо, — улыбается. — Постарайся, пожалуйста, без косяков. Определять тебя в зал я не стала, Алька говорит, ты ответственная, так что не подведи, пожалуйста.

— Я не подведу, — выдавливаю из себя улыбку.

— Ну и ладненько. Кстати. — Щелкает пальцами в сторону бармена, и тот сразу же к ней склоняется. — Сань, сделай нам два новых безалкогольных коктейля. С дыней.

— Не нуж...

— Даже не спорь, детка, — Виола мило улыбается. — Ты думаешь, я не вижу, как ты нервничаешь? Честно говоря, я не думала, что близнецы сегодня тоже будут. Иначе и правда бы отправила тебя в зал, — вздыхает.

Бармен как раз в этот момент протягивает нам коктейли.

— Спасибо, — киваю, поджав губы.

— Не трясись так, — подбадривает Виола. — Они нор-

мальные, более или менее. Чин-чин?!

— Чин-чин, — салютую бокалом, набираю в легкие побольше воздуха, а когда выдыхаю, делаю глоток. Прохлада, сладковатая, но в то же время освежающая жидкость прокатывается по горлу.

Виола делает несколько глотков и отвлекается на рацию. До сегодняшнего дня я редко с ней общалась, но всегда слышала от Али только хорошее.

Осушаю бокал до дна, потому что, оказывается, мне все это время адски хотелось пить, и возвращаюсь на кухню. Забираю тележку и тащу все это к лифту, чтобы поднять наверх.

Когда снова появляюсь в випке, молча расставляю тарелки и бутылки. Стараюсь быть тихой и незаметной. Правда краем глаза все равно рассматриваю присутствующих. Из знакомы тут не только Вэл, которого конкретно сейчас в помещении нет, но и его друг Ярослав — остальных не знаю.

— На балкон это отнеси, — кивает на бутылку в моих руках один из хозяев.

Киваю и молча следуя на балкон, прекрасно понимая, кого там увижу.

Вэл стоит, опираясь ладонями на балконную перекладину, и смотрит в зал. Заметив меня, поворачивает голову.

Ставлю бутылку на столик у кресла, рядом размещаю бокал и уже собираюсь уйти, когда чувствую его захват на своем запястье.

— Пусти, — выпаливаю неосознанно громко, но мой крик сжирает музыка. Нас здесь никто не услышит. Никто...

— Не могу, — пожимает плечами, — я тебя купил, Полька, — ухмыляется.

В этот момент в зале взрывается что-то вроде хлопушки, и народ начинает громко реветь, перекрикивая музыку.

— Что? Ты больной, Кудяков?

— Не-а. Я купил тебя на эту ночь, — шепчет, вынуждая меня вжаться в стену. — Прикинь.

— Что ты несешь? — спрашиваю, а сама начинаю мелко дрожать.

Мне ни капельки не смешно. Хватаю ртом воздух и чувствую, как по телу разливается жар. Лицо, плечи, живот, бедра. Я натурально начинаю гореть. Картинка перед глазами слегка смазывается, а звуки становятся чуть тише.

— Судя по всему, уже действует, — Вэл просовывает ладонь мне под волосы и фиксирует шею.

— Вэл, что со мной? — бормочу, вцепившись ему в предплечья.

— Ты же слышала, у них здесь все по согласию, Полина. Вот они и позаботились, чтобы ты была не против...

Тж. у ребят есть классная бесплатная предысто-
**рия!
 "Тихоня и Хулиган. Его запрет"
 <https://>**

 Он враг, который станет для нее целым миром.
 Она его запрет, который постоянно хочется нарушить.
♥#♥#♥#

 — Совсем долбанутая? Жить надоело?
 — Ты меня чуть не сбил. Я... Я сообщу в ректорат.
 — Повтори? Куда ты пожуешься? — продолжает веселиться с гадкой улыбкой на губах, а толпа его поддерживает. — Откроешь рот, и вылетишь отсюда, как пробка. Поняла, убогая? На, — сует мне деньги, — шмотки себе хоть нормальные купишь, — смеется и смотрит на меня, как на грязь.
 — Мне не нужны твои деньги.
 — Вау, да ты у нас гордая. И насколько хватит твоей гордости? — шипит мне в лицо, а потом подбрасывает в воздух еще больше купюр.
 Стою как вкопанная. Молчу. Смотрю в пол.
 — Тебе же хуже...девочка.

 Вэл — старшекурсник. Мажор. Наглый. Циничный. В стенах университета о нем ходит много пугающих историй. Избегает хороших девочек!

 Полина — первокурсница. Тихоня. Хорошая девочка. Живет в общежитии, зубрит ночами. Мечтает о большой и красивой любви.

 Дружба. Первая любовь. Противостояние. Все на грани.

 Герой харизматичный гад, от которого можно ожидать всего чего угодно!

Страх сковывает тело буквально на доли секунды. Замираю, но меня быстро отпускает. Тело продолжает гореть, а мозг — плавиться.

Я не понимаю своих чувств, но единственное, чего хочу сейчас, чтобы он не отпускал. Чтобы продолжал прикасаться...

Вэл говорит медленно, почти ласково, а потом встряхивает меня как куклу и орет мне в лицо:

— Какого черта ты сюда приперлась, идиотка?!

Зубы клацают от этой тряски. Картинка перед глазами становится более четкой. На какие-то секунды даже музыка снова звучит так же громко, но потом снова стихает.

Я же искренне не понимаю, почему он кричит. Почему злится?

Облизываю губы и смотрю на Кудякова во все глаза, до сих пор не веря, что это и правда он. Обнимаю Вэла за шею. Обнимаю и улыбаюсь. Прикасаюсь к нему, расплываясь в довольной улыбке. Настоящий, мамочки!

Реальность кружит голову. Он теплый, от него вкусно пахнет, он меня трогает. Чувствую его пальцы на своей пояснице и с ума схожу. Пусть это не заканчивается никогда. Пусть!

Может быть, я сплю? Что, если мне снится сон? Такой ре-

алистичный и будоражающий сознание.

— Что ты здесь делаешь? — шипит Вэл сквозь зубы, а я продолжаю улыбаться.

Касаюсь его щеки и чувствую, как он вздрагивает. Буквально на секундочку теряется и напрягается всем телом.

— Поцелуй меня, — бормочу ему в губы. — Я хочу, чтобы ты меня поцеловал.

Мой мир окрашивается яркими красками. Все вокруг становится воздушным, словно облака, и я искренне хочу, чтобы он меня поцеловал. И даже если планета сейчас покатится в ад, это желание не исчезнет.

— Пожалуйста, Вэл, — пишу, продолжая обнимать его за шею.

— Трындец, — выдает с легкой хрипотцой, которая в моем воспаленном сознании звучит очень сексуально. — Чего еще хочется? — ухмыляется и приподнимает меня над полом за задницу. — М?

— Тебя, — лепечу обыденно.

— Кто бы сомневался, — хмурится и переводит взгляд на стекло позади нас. Через него отлично просматривается ВИП-комната.

— Жарко! — жмущусь, как под палящим солнцем.

Тело простреливает новой волной жара. Мне кажется, что я покрываюсь липким потом. Между ног печет, в какой-то момент это начинает доставлять дискомфорт, как и тугое, обтягивающее мою фигуру платье.

Материал впивается в бока, запястья, грудь, и мне нестерпимо хочется от него избавиться. Именно это я и делаю — перехватываю подол и начинаю тащить его вверх.

— Так, пошли-ка отсюда, — Вэл резко ставит меня на пол, одергивает подол моего платья и, потянув за руку, вытаскивает с балкона.

Я не вижу лиц, только свои туфли и пол. Быстро перебираю ногами, не замечая, как мы оказываемся в какой-то небольшой комнате. Здесь нет окон, а свет непривычно красный. Почти кровавый. В другой ситуации я бы оценила, как такое освещение делает кожу лица идеальной, но не сейчас.

Вэл захлопывает дверь и поворачивается ко мне лицом как раз в тот момент, когда я успеваю избавиться от ненавистного платья, оставаясь в одном белье. Стою посреди комнаты, заламывая себе руки, а черная тряпка, которая еще секунду назад была платьем, тем временем валяется под ногами. Я топчусь по ней высоченными каблуками выданных мне Мариной туфель.

В голове пролетает мысль о том, что теперь придется его стирать...

— Сюда иди, — басит Вэл, и я слушаюсь.

Подхожу к нему. Веду тыльной стороной ладони по его щеке и сильно расстраиваюсь, когда он отталкивает мою руку. В глазах появляются слезы. Крепко сжимаю бедра и обнимаю свои плечи. Виски ноют от стянутых на макушке волос, и я почти сразу ее снимаю. Пряди рассыпаются по пле-

чам, и я чувствую облегчение. По затылку в этот момент бегут потрясающие мурашки.

— Я тебе совсем не нравлюсь? — всхлипываю, глядя на Вэла, и снова к нему липну. Снова тянусь к губам, обнимаю за шею. — Пожалуйста. — Закидываю ногу ему на бедро, кое-как балансируя на высоченном каблуке. — Я же тебя люблю, так сильно тебя люблю, — хнычу, пытаюсь до него достучаться.

Пытаюсь сделать все, чтобы он меня обнял, поцеловал, но вместо этого Кудяков снова меня дергает. Стены сливаются с полом, а белая плитка в ванной режет глаза.

— Пожалуйста, — продолжаю причитать, вешаясь Вэлу на шею, и расстегиваю крючки на лифчике. Он тут же падает мне под ноги.

Вэл замирает. Замечаю, как у него дергается кадык, и завожу руки себе за спину.

— Полина, блядь! — матерится и толкает меня к стене.

Вэл

Так, мать вашу, нечестно!

Стиснув зубы, надвигаюсь на эту сумасшедшую и, как застрявший в пубертате подросток, пялюсь на Полинкины сиськи. Ну кто? Кто, блин, в здравом уме вообще решит работать в этой дыре? Леднев не в счет, этот придурок на всю башку отбитый. Возомнил себя великим кикбоксером в ринге без правил. Собственно, поэтому мы со Стекловым тут и оказались. Из-за Ярика и его тупых договоренностей с близнецами на четыре боя.

И все это дерьмо вполне себе вписывается в мою жизнь. Все, кроме нарисовавшейся как черт из табакерки Лялиной. Безголовая идиотка!

Полина вжимается спиной в стену и запрокидывает голову. Смотрит на меня снизу вверх, а я даже не замечаю, как оказываюсь рядом с ней. Как прикасаюсь кончиками пальцев к голому плечу. Скольжу чуть ниже и фиксирую ее локоть, чтобы резко потянуть и впечатать ее в себя.

Обнимаю. Зарываюсь пальцами в копну растрепанных рыжих волос, смотрю в зеленые глаза, касаюсь губами губ, покрасневших щек, шеи. Польша, естественно, не сопро-

тивляется. Сама тянется, и я понимаю почему. В другой обстановке она послала бы меня куда подальше, сейчас же я пользуюсь моментом. По-скотски, знаю, но не могу себе противостоять.

Лапаю ее за задницу, намеренно не касаясь голой груди просто потому, что сам себе перестаю доверять в этот момент. Даже не смотрю туда, блин. Хотя фантазия уже дорисовала ее острые соски, царапающие ткань моей футболки.

Запрокидываю голову и закрываю глаза, испытывая себя на прочность в реальном времени. Я ее хочу почти с первой нашей встречи, несмотря на то, что долго это отрицал. Хочу, и вот она здесь, передо мной. Почти голая...

Считаю про себя до десяти. Открываю глаза. Опускаю голову. Смотрю на нее сверху вниз и шумно выдыхаю.

Полина мелко дрожит, жметса ко мне, и это будит внутреннего зверя. Совсем не того, который хочет ее трахнуть, игнорируя обстоятельства. Другого, который готов рвать и метать от того кабздеца, в который эта сумасшедшая снова влетела на всей скорости.

— Вэл, — хнычет Полька, вжимаясь в меня сильнее. — Сделай что-нибудь. Я не могу. Не могу, — бормочет, качая головой. — Мне жарко, — всхлипывает, впиваясь короткими ногтями мне в шею. — Вэл, — сжимает мое запястье и тянет руку вниз. Скользит моей ладонью по своему животу, задевает резинку черных кружевных трусов и накрывает ей ластовицу.

В моей башке в этот момент вертится только одна-единственная мысль — она мокрая.

— Пожалуйста... Вэл.

— Ща.

Мотнув башкой, вытаскиваю пальцы из Полинкиных трусов и, отлепив ее от себя, быстро раздеваюсь. Оставшись в одних боксерах, врубаю тропический душ на полную мощность.

Полина в этот момент скатывается по стеночке к полу, кусая губы. Только сейчас замечаю, что она все еще на этих чертовых каблуках.

Присаживаюсь перед ней на корточки. Аккуратно обхватываю лодыжку и стягиваю туфлю с правой стопы, с левой проделываю то же самое. Полина сильнее вгрызается зубами в свою уже пораненную до крови нижнюю губу, внимательно за мной наблюдая.

Пару секунд смотрю в ее затуманенные глаза, глажу по щеке и на выдохе поднимаюсь на ноги. Полину аккуратно вытягиваю за руку и, как только она отзывается, придерживаю за спину.

— Задержи дыхание, — прошу ее, переступая бортик.

— Заче...

Холодная вода обжигает кожу моментально. Ощущения мерзкие. Полька хватает ртом воздух, шлепая, как рыбка, губами и часто моргает.

Неподвижно стоит буквально пару секунд, а потом начи-

нает истерично дергаться.

— Стой, — удерживаю Полинку на месте, игнорируя все ее попытки отползти в сторону от воды. — Стой тут, — давлую голосом, прижимая ее к себе.

— Пусти, Вэл. Пожалуйста. Мне неприятно, — всхлипывает. — Холодно.

— Я знаю, — очерчиваю кончиками пальцев ее скулу, касаюсь губами виска, прижимая ее к себе как можно крепче.

Мы стоим так минут шесть, пока у нее не начинают стучать зубы. Только тогда вырубая воду и стягиваю с полки полотенце. Заматываю в него Лялину и снимаю с нее мокрые трусы, снова же не для того, чтобы трахнуть. Прелесть!

— Ч-ч-ч-чт-т-то ты делаешь? — заикается, едва разлепляя губы.

— Я фетишист, не знала? Трусы твои коллекционирую, — злобно ржу и кидаю их на полотенцесушитель.

Полинка краснеет, зажимается, а я слышу, как в комнате открылась дверь.

— Тихо, — прикладываю палец к губам и отодвигаю Лялину чуть в сторону.

Звук шагов становится отчетливее.

— Вэл, — голос Артура сливается с ударом в дверь. — Потом как следует ее отдерешь, бой начинается.

Полька вжимается в стену, крепче заворачиваясь в полотенце. Бросаю взгляд на ее поджимающиеся на ногах пальчики.

— Иду, — говорю громко, и Полька накрывает уши ладонями.

Дверь в комнате снова хлопает. Прислушиваюсь к обстановке за пределами ванны и подбираю с пола свои шмотки, несколько раз задевая локтем Полинкины колени. В этот момент стискиваю зубы, потому что я не железный и моя психика, мать вашу, уже на пределе.

Крепко зажмуриваюсь и чуть быстрее обычного выхожу из ванной.

Полина боязливо топает за мной следом. Слышу, как всхлипывает, и снова прикрываю глаза. Кулаки сжимаются автоматом при этих звуках.

— Что ты тут забыла? — спрашиваю, натягивая футболку.

— Что? — моргает, прилипая спиной к стене рядом с кро-

вацию.

Судя по глазам и вновь покрасневшим щекам, возбудителями ее перекормили. Холодный душ едва ли помог...

— Как ты здесь оказалась? Новая работа? — кривлю губы.

— Ага, — кивает и съезжает по стене к полу, разводя колени в стороны. Полотенце, замотанное у нее на груди, начинает медленно сползать.

— И давно?

Спрашиваю, а самого от злости начинает потряхивать. Вот так просто, блин! Новая работа в этом гадюшнике. Чем ей в баре официанткой не работалось?!

— Чуть больше месяца, — пожимает плечами, а потом вздыхает.

— И как? Нравится? — Оглядываюсь на нее и натягиваю джинсы поверх мокрых трусов.

Хорошо, что штаны черные.

Полька бормочет что-то себе под нос. Разобрать ее слова невозможно. Совсем.

Внутри все уже давно сотрясается от злости, но я стараюсь держать себя в рамках. Орать на нее сейчас бессмысленно.

Чуть больше месяца... Если это так, то вероятность, что ее еще не покупали, равна нулю.

Снова не вяжется, но решаю обдумать это позже.

— Сиди здесь, — подхожу к ней и присаживаюсь на корточки.

— А ты куда? — рассматривает меня, медленно хлопая

ресницами.

Честно говоря, не уверен, что она меня вообще до конца понимает.

— Скоро вернусь. Сиди здесь, поняла?

— Поняла, — кивает и касается пальцами моего плеча.

— Буду сидеть здесь, — широко улыбается.

Закатываю глаза от абсурда происходящего и поднимаюсь на ноги.

— На кровать пересядь, — прошу ее, но никакой реакции в ответ не получаю. — Полин!

— А? Что?

— Руку дай.

Лялина протягивает мне ладонь, сжимаю ее и тяну вверх. Как только мы оба оказываемся в вертикальном положении, да еще так близко, все очень быстро сворачивает на второй круг.

Полина цепляется за мои плечи и, привстав на носочки, тянется к губам.

— На кровать, — отталкиваю ее от себя.

Уже боковым зрением наблюдаю, как она падает на кровать и как с нее слетает полотенце.

В коридор выхожу, застегивая ширинку. Артур, заметив меня, ухмыляется и отпускает другую официантку, с которой разговаривал.

— Если ее кто-то до меня поймает, — киваю на дверь за своей спиной, — платить я не буду. Учти.

Это не те люди, которым можно сказать: «Эй, чуваки, я ее знаю, не надо ее трогать».

Меня бы здесь в принципе не было, если бы не Леднев, который впутался в эти долбанные бои и связался с близнецами.

— Понял-принял. — Артур с понимающей улыбкой закрывает Полинку в комнате и отдает мне ключ. — Она в твоём полном распоряжении всю ночь, как и договаривались.

— Отлично, — киваю, и мы спускаемся по лестнице на цокольный этаж клуба, где собрана клетка. Ярик уже внутри нее.

Стеклов тусуется в углу. Моральная поддержка, блин.

Запрыгиваю на платформу и хлопаю Глеба по плечу. Ярик в этот момент совершает круг почёта.

— Как тут у вас? — спрашиваю, наблюдая за ликующей толпой.

— Вроде норм, — Глеб пожимает плечами. — Ему надо выстоять четыре боя без поражений, поэтому...

— Радует, что не за одну ночь.

Глеб кривит губы и бросает взгляд на близнецов.

— За пять прошлых поединков Леднев принес им много бабла. Они не позволяют ему выиграть все четыре...

— Тоже об этом думал, — убираю руку в карман джинсов.

— Ярик сказал, ты эту рыжую знаешь, — ухмыляется. — Кудяков, я всегда был уверен, что ты у нас не тусуешься с проститутками.

— Рот закрой. Она не проститутка.

— Ну да, так, на огонек заглянула. Ты же знаешь, у них тут все официантки вдоль и поперек затраханные. Твоя точно не исключение.

— Она не проститутка, — смотрю на Глеба, стиснув зубы и сжав кулаки.

Несмотря на стойкое желание хорошенько ему вмазать, головой я понимаю — устроить драку здесь, на потеху публике и близнецам, идея не самая умная.

Глеб это понимает и прекращает лыбиться.

— Ладно, понял, извини, — Стеклов кивает и смещает свое внимание на Ярика.

Какое-то время смотрю в пол, снова и снова прокручивая в башке все, что услышал сегодня от Полинки. Бесспорно, в таком состоянии она может нести полнейший бред, но тем не менее ее ответы отдают болью между ребер.

Она не проститутка! Нет, конечно. Второй раз на одни и те же грабли я не наступлю.

Смотрю на Артура. Они с Вадимом улыбаются. Выглядит это отвратительно, в контексте происходящего уж точно. Все, что здесь происходит, — их хлеб. Их забава. Они процентов на триста отбитые отморозки. Вступать с ними в конфликт сейчас, с тем, что мы имеем, — глупо.

Клуб — их главное развлечение, на котором они поднимают неплохое бабло. Люди в поисках острых ощущений готовы платить любые деньги.

Леднев попал сюда не случайно. Хотел доказать себе, что может выстоять против кого угодно за пределами официального ринга. Идиот! Если о происходящем узнают в федерации, с профессиональным спортом он может попрощаться.

Стеклов тычет меня локтем в бок, а Вадим в этот момент отвлекается от беседы с братом и кивает на Яра, толпа тут же взрывается криками и улюлюканьем, потому что в клетку выходит второй боец. Вечер перестает быть томным...

— У них явно разные весовые категории, — воспроизводит вслух увиденное Стеклов.

Молчу. Леднев заканчивает свой почетный круг и подходит к нам.

— Главное — моргни, чтоб я мог выбросить белое полотенце, — ржет Стеклов, хлопая Яра по плечу.

— Подбодрил так подбодрил, — Леднев кривит губы и оглядывается на своего противника. — Думал, ты уже не придешь, — говорит мне.

— Так легко ты от меня не отделаешься.

Леднев смеется, но складка от напряжения между бровей у него все равно не разглаживается.

— Пожелайте мне удачи, пацаны, месиво лютое будет.

— Ты его уложишь, — подбадриваю.

— С одного удара, — подключается Стеклов.

— Время, — дает команду кто-то сбоку, и мы с Глебом выходим из клетки.

Толпа взрывается новой волной криков. Адреналин в кро-

ви увеличивается пропорционально накалу ситуации. Бой будет тяжелый — это было ясно, как только мы узнали, кого близнецы выставят против Яра.

— Эй, эй!

Стеклов подзывает чувака, который собирает ставки.

— На нашего. — Вытаскивает наличку. — Кудяков?

— Поддерживаю.

Кладу деньги.

Звучит первый и последний гонг. Никаких раундов. Никаких передышек. Бой будет длиться до тех пор, пока кто-то один не останется на ногах.

Ярик двигается быстро, это его преимущество перед тяжелым противником. А вот сила удара проигрывает.

— Чугун уложит этого балеруна, — хвалятся мужики рядом с нами. — Давай, мордой об колено его!

Он продолжает насмехаться, и с каждым новым словом Глеб все чаще на него косится. Когда к этим разговорам присоединяются еще трое, быстро сжимает и разжимает кулаки.

— Не надо, — осекаю его в первый раз, когда он заметно дергается в их сторону.

— Как кузнечик скачет, ему в танцы надо, — снова смех.

— Щас фальцетом запоет.

— Да не успеет, Чугун ему башку проломит. Похоронит пацанчика, похоронит. Ну, мы люди не жадные, на гроб скинемся.

— Че ты вякнул? — Стеклов рвется вперед и с размаха

бьет его по морде. — Че. Ты. Вякнул. Пададь?

— Глеб! — оттаскиваю его в сторону, но уже поздно.

Стеклов запустил механизм, спустил крючок. Жажда крови, бушующая по залу в головах людей, мгновенно высвободилась на свободу.

Драка понеслась.

Замечаю бегущую в наш сектор охрану и, применив легкий удушающий со спины, оттаскиваю Глеба в сторону.

— Мозги включай, придурок, — киваю на ринг.

Ярик мочит этого толстозада, вбивая его башку в пол.

— Отвали, — брыкается, и я его отпускаю. — Ты оху...

Пространство заполняет звук второго гонга. Второй гонг значит здесь только одно — бой закончен.

Моргаю. Ярик поднимается с колен. Морда в крови, черт лица не разобрать.

Судья подлетает к нему мгновенно. Хватает за руку и поднимает ее вверх.

Чугун продолжает валяться, тяжело дыша, харкая кровью, без сил подняться.

— Пошли. — Запрыгиваю на платформу. Из клетки мы выходим вдвоем через другой ход, минуя толпу ликующих людей. Охрана остановила драку мгновенно. Они здесь особо не церемонятся. Если тебе случайно проломают башку в толпе, претензии предъявлять будет некому. Этого места в принципе не существует...

— Молоток, — накидываю на Яра спортивную кофту.

— Ага, — разматывает бинты на костяшках.

— Ярик, — басит идущий нам навстречу Артур, раскинув руки в стороны. — Ты устроил отличное шоу. Тебе бы в душ и выпить.

— Бабло наше где? — встревает Глеб.

— Наверх поднимайтесь, все будет, пацаны.

— Иди туда, — наставляю Глеба. — У меня еще дела есть. И я тебя прошу, думай, прежде чем делать, Стеклов.

— Ой, вали уже к своей рыжей, — отмахивается и поднимается по лестнице. Я же сворачиваю в комнату, где запер Польшу.

Поворачиваю ключ, толкаю дверь и сталкиваюсь с довольно неожиданной картинкой.

Аккуратно проскальзываю в комнату и так же тихо прикрываю за собой дверь, прижимаясь к ней спиной. Глаза же неотрывно наблюдают за Лялькой, которая раскинулась на кровати...

Пялюсь на нее как гребаный маньяк и не дышу. Она полностью голая. Полотенце валяется где-то на краю кровати. Полинка развела ножки в стороны, согнув их в коленях, и ласкает себя пальцами.

Картинка получается возбуждающей, и меня обдает жаром. Волна огненных эмоций прокатывается по глубинам сознания, подкашивая выдержку.

Стиснув зубы, сжимаю-разжимаю кулаки и, оттолкнувшись от стены, закрываю дверь на ключ.

Медленно подхожу ближе. Это просто минутная слабость. Визуальная зависимость. Трогать нельзя смотреть — предложение из трех слов, и, где здесь ставить запятую сейчас, хрен разберешь.

Ее голое тело в красном освещении выглядит еще более соблазнительно, а срывающиеся с губ стоны заставляют член болезненно подергиваться. Никогда в жизни не испытывал ничего подобного. Никогда...

Подхожу ближе, понимая, что она меня не замечает даже. Рассматриваю ее как обезумевший.

Я скучал.

Адски.

Завороженно наблюдаю за происходящим, пока Польша не

открывает глаза. Моргаю.

Сталкиваемся взглядами. Он у нее чуть поплывший. Она медленно хлопает длинными пушистыми ресницами и почти сразу прикусывает зубами нижнюю губу, сдерживая улыбку, продолжая трогать себя между ног.

Сглатываю, наблюдая за игрой ее пальцев и меняющимися на лице эмоциями блаженства.

Снова не дышу. Упираюсь в матрас коленом, а потом ладонью. Полина слегка запрокидывает голову, выгибается в пояснице и начинает учащенно дышать.

Мозг отключается в этот момент. Просто белая вспышка, затмевающая все «за» и «против». Чистые инстинкты.

Торопливо стаскиваю с себя футболку и накрываю Полинку собой. Устраиваюсь между стройных ножек, меняя ее пальцы на свои. Она пиздец мокрая. Нетерпеливая. Моя.

Ласкаю, собирая влагу, и погружаюсь в нее пальцами, глядя в глаза. Целую в припухлые, манящие губы, посасывая кончик язычка, и перекидываюсь на шею. Покрываю поцелуями тонкую белую кожу с легким налетом веснушек. Шею, ключицы.

Добавляю еще один палец и делаю то, о чем давно мечтал, — обхватываю губами острые соски идеальных Полинкиных сисек. Ловлю себя на мысли в этот момент, что она для меня вся идеальная. Любая. Была, есть и будет.

Полька выгибается. Издает тихий стон. Втягиваю бледно-розовую вершинку, постукивая по ней кончиком языка.

Чувствую, как Лялькино дыхание снова учащается. Она мечется по кровати, тихонечко постанывая, обхватывая ладонями мой затылок. Давит.

Ухмыляюсь про себя, продолжая эту жаркую прелюдию, от которой у меня скоро дым из всех мест повалит.

Перемещаю пальцы. Накрываю подушечкой нежный бугорок, совершая несколько нажимистых круговых движений.

Легкая Полинкина дрожь передается и мне. Она сжимается, распахивает глаза и протяжно стонет.

— Вэл, — прогибается в пояснице, буквально на секунду, и расслабляет мышцы таза. — Ах...

Она все еще дрожит.

Расстегиваю ширинку, оттягиваю резинку трусов. Головка члена тут же погружается в Полькино влагалище без какого-либо направления с моей стороны. Чувствую ее теплую влажность. Упираюсь рукой в матрас над Лялькиной головой. Дышу. Рвано. Часто.

Всего одно резкое движение. Всего одно, мать вашу.

Меня натурально трясет. Выдержка сдулась.

Один раз. Один гребаный раз.

Она, блин, целка, Кудяков!

Заебись, лишить девчонку девственности в занюханном притоне!

Сгибаю руку в локте, нависаю над Полинкиным лицом. Снова касаюсь губами губ и болезненно морщусь, когда она начинает ерзать задницей по матрасу.

— Не шевелись, — прошу и на выдохе смещаю направление члена. Прокатываюсь им по влажным складкам и со скрипом на зубах переворачиваюсь на спину.

Быстро застегиваю ширинку, замечая, как Полинка мгновенно сжимается, обнимая свои плечи.

Подтягиваю ее к себе. Обнимаю. Нюхаю ее волосы и улыбаюсь как полный дебил. Член болезненно упирается в ширинку джинсов и Полькино бедро. Прикрываю глаза, пытаюсь разбавить похотливые мысли чем-нибудь еще. Сместить ориентиры сейчас будет неплохо, иначе...

С той нашей ссоры, четыре месяца назад, я ни с кем не трахался. А если учесть, что и с Полькой тогда тоже...

Вжимаю ее в себя крепче.

Удивительно, но на других не стоит вообще. Точно Вежда.

Полина переворачивается, оказываясь со мной лицом к лицу. Смотрит.

Чувствую, что смотрит, хоть сам и закрыл глаза. Распахиваю их лишь тогда, когда она касается моей щеки кончиками пальцев.

— Я думала, ты не придешь, — шепчет.

— Но я пришел, — ухмыляюсь.

— Я так хочу спать, — зевает, уткнувшись носом мне в грудь.

— Спи, — целую в макушку.

— Ты не уйдешь?

— Не уйду.

— Спасибо, — бормочет и прижимает раскрытую ладонь куда-то в область моего сердца.

Вытаскиваю мобильник из кармана джинсов и, отведя руку чуть в сторону, пишу Артуру:

«Хочу забрать ее к себе».

«Ты знаешь правила. Так нельзя».

«Плачу х3».

Артур молчит примерно минуту, а потом пишет:

«Ок. Наличкой. Ты помнишь».

«Естественно».

Аккуратно, чтобы не разбудить Полину, поднимаюсь с кровати и накрываю ее краем одеяла. Быстро надеваю футболку и выхожу из комнаты. Естественно, закрыв ее на ключ.

В випке уже вовсю бухают. Ярик нажрался вусмерть после победы. Глеб явно делает вид, что набухался, но я уверен, что к алкоголю он даже не притронулся.

— Бабки, — кидаю на стол нал.

— Забирай, — кивает Вадим. — Если она вдруг будет не в состоянии вернуться домой никогда, — ухмыляется, — на тебя никто не выйдет.

— Понял, — киваю, выдавливаю из себя ухмылку, на секунду задумываясь, сколько девчонок отсюда не вернулось домой уже никогда...

Полина

Моргаю и отрываю голову от подушки. Первые секунды пытаюсь сообразить, где я.

Точно не дома...

У нас не так много окон, из которых проникает солнечный свет, окутывая собой просторную комнату в теплых бежевых тонах. Да и идеально белого постельного белья на широкой кровати тоже не встретишь.

Медленно кручу головой, обхватив горло ладонью. Растираю кожу от впадинки между ключицами до подбородка, испытывая нестерпимое чувство жажды.

Язык прилип к внутренней стороне щеки, которая сейчас полностью лишена слизистой оболочки. Ощущения мерзкие. Морщусь, пытаюсь собрать хоть какую-то слюну, но ее тоже нет.

Аккуратно спускаю ступни на пол, а когда пытаюсь встать, чувствую легкое головокружение. Тут же прижимаю ладонь к виску, а внутри все вздрагивает в этот момент, потому что память подкидывает отрывки воспоминаний вчерашней ночи.

Клуб. Мужчины. Смех. Деньги.

Вэл!

Кудяков точно там был. Я помню!

Зажмуриваюсь, продолжая растирать ладонью шею, будто это поможет утолить жажду.

Он там был, и он сказал мне, что...

Замираю. Впиваюсь ногтями в кожу на шее, пока по позвоночнику ползет мерзкий, пугающий до чертиков холодок.

Он сказал, что купил меня.

Он. Меня. Купил.

Внутри все сжимается от этой мысли, от слов, произнесенных его голосом. Они кружат в моей голове, как надоедливые осы! Мне очень хочется от них отмахнуться, но не получается. Не потому, что боюсь, нет, просто воспоминаний становится все больше. Они набрасываются на меня несдерживаемым потоком, и я начинаю задыхаться. Задыхаться от ужаса...

Красный свет. Красивый. Возбуждающий. Холодная вода. Поцелуи.

Я помню, что он целовал меня. Помню, что обнимал. Трогал.

Помню, что я и сама его обнимала. Сама хотела, чтобы все это продолжалось.

Хотела его...

Так сильно хотела, до боли в мышцах и конечностях. Никогда до этой ночи я не испытывала такого желания. Оно было необъяснимым. Казалось, что, если он до меня не дотро-

нется, я умру, а если не поцелует, взорвусь.

Я помню это желание, смешанное с болью. Этот огненный жар, охвативший каждый кусочек моего тела и мыслей.

Резко зажмуриваюсь и, взвизгнув, приседаю на пол, накрывая лицо ладонями.

Нет. Нет. Нет.

Я помню! Нет, даже будто сейчас чувствую его пальцы.

Щеки алеют и становятся горячими. Дверь в комнату хлопает где-то позади меня, и я точно знаю, кто сюда зашел.

Уверена.

— Ты чего кричишь?

Голос Вэла звучит прямо надо мной. Зажмуриваюсь крепче и пугливо убираю руки от лица. Обнимаю ими свои плечи и нерешительно запрокидываю голову. Открываю глаза, сталкиваясь с Вэлом взглядами.

— Что я здесь делаю? — пишу.

— Ну, пока кричишь.

Моргаю и плюхаюсь на задницу, подтягивая колени к груди. Вэл продолжает возвышаться надо мной, а я неотрывно смотрю на крест, висящий у него на цепочке.

Кудяков в одних спортивных штанах, без футболки...

Стискиваю зубы, обнимая себя крепче. Память снова оживает.

Веду пальцами по запястью, внутреннему сгибу локтя, плечу, ключице и понимаю, что я его уже видела сегодня без футболки. Не просто видела — чувствовала. Телом к телу.

Вздрагиваю и только сейчас соображаю, что на мне нет лифчика. Только длинная бежевая футболка.

Нет, нет, нет...

Такого не могло случиться. Не могло. Я не могла быть с ним голой. Не могла же, правда?

— Где мы? — спрашиваю, стараясь сместить фокус своего внимания на что-то нейтральное.

— У меня.

Снова оглядываюсь.

— У тебя? — недоверчиво переспрашиваю, понимая, что эта комната ни капли не похожа ни на одну из тех, что были в его квартире в «Москва-Сити».

— Ага, — Вэл кивает и присаживается на край кровати, рядом со мной. Упирается локтями в свои колени, наклоня корпус вперед. Мое плечо в этот момент прижимается к его ноге.

— У тебя новая квартира?

— Что-то тип того. Как ты?

— Пить хочется.

— Это нормально, — ухмыляется, собирая пальцы в замок.

Поджимаю губы и замечаю, куда он смотрит. На мои голые ноги. Кожа в этот момент покрывается колючими мурашками, а соски съеживаются и твердеют, проявляясь под тканью футболки.

Вэл это тоже замечает. Сначала моргает, а потом у него

дергается кадык.

— Вода есть на кухне, — хрипит и быстрым шагом выходит из комнаты.

— Спасибо, — бормочу ему вслед.

Прежде чем выйти из комнаты, осматриваю ее на наличие своих вещей, но, кроме того черного платья, что вчера мне дали в клубе, ничего не нахожу.

Оттягиваю футболку как можно ниже и приоткрываю дверь. Прислушиваюсь к звуку кофемашины, и желудок предательски урчит.

Выползаю исключительно на запах, а когда замечаю на кухонном островке пол-литровую бутылку воды, осушаю ее до дна. Пластик хрустит под пальцами, и я вытираю рот тыльной стороной ладони.

Кручу по сторонам головой, понимая, что вышла на кухню. Вэла тут нет, но я замечаю его в проеме, ведущем в гостиную.

— Где мой телефон? — спрашиваю, пряча руки за спину, оказавшись с Кудяковым в одной комнате.

— Без понятия. Твои шмотки мне никто не отдавал, — произносит обыденно, продолжая пялиться в экран смартфона, раскинувшись на диване.

— Что это значит? — шепчу.

— Тебя продали, в чем была. Туфли, платье, трусы. Лифчик, — ухмыляется, замирая глазами на моей груди.

Тут же прикрываюсь руками и четко вижу себя со сторо-

ны.

Я улыбаюсь, расстегивая крючки на бюстгальтере, и кидаю его себе под ноги. Кудяков в этот момент стоит от меня на расстоянии вытянутой руки.

— Судя по тому, как твое лицо периодически перекашивается, память к тебе частично возвращается, — злобно смеется Вэл и поднимается с дивана. В четыре шага сокращает расстояние между нами до минимума и упирается в стену ладонью у меня над головой.

— Зачем ты это сделал? — смотрю на него во все глаза и искренне не понимаю. Не понимаю его мотивов. Зачем?

— Что сделал?

— Зачем ты меня купил? — качаю головой. — Они же ради тебя меня чем-то накачали. Ради тебя...

— Ты бы больше кайфанула, сделай они это с тобой ради кого-то другого? — заостряет уголки губ, недобро прищурилась.

— Я бы просто отработала смену и пошла...

Договорить не успеваю, потому что Велий начинает громко смеяться.

— Лялька, блин, ты реально такая дура и правда не догонишь?

Стиснув зубы, прижимаюсь спиной к стене.

— Отработала смену официанткой и пошла куда? Домой? — переспрашивает, не переставая смеяться. — Серьезно? Ты вообще понимаешь, где ты работаешь? Но вопрос в дру-

гом — зачем? Что ты, блядь, там забыла? — срывается на крик и, оттолкнувшись кулаком от стены, поворачивается ко мне боком. Прижимает напряженные пальцы к подбородку и сводит брови к переносице.

— Не кричи, пожалуйста, — прошу просто потому, что громкие звуки усиливают мою головную боль, периодически к ней подключается тошнота и головокружения.

— Окей, — кивает и отходит в сторону. — Ты месяц в этом притоне «трудишься», сама вчера сказала, и до сих пор не знаешь, что это за место и что там с такими, как ты, делают?

Хмурюсь, пытаюсь подобрать слова, а еще понять, нужны ли они мне вообще сейчас. Должна ли я перед ним оправдываться. По привычке, если честно, хочется. Очень.

— Это тебя не касается, — отрезаю холодно и снова обхватываю свои плечи ладонями.

— Не касается? — Вэл ухмыляется. — Окей. Тогда давай я тебе наглядно покажу, что с такими пустоголовыми, как ты, там делают. На колени вставай, — смотрит на меня, будто вот-вот придушит, — и отрабатывай бабло, которое я за тебя заплатил.

— Ты...

— Футболку снимай. Труссы тоже, — резко дергает меня за руку и толкает на диван.

Вжимаюсь позвоночником в спинку дивана и крепко зажимаюсь, когда Вэл оттягивает резинку своих спортив-

НЫХ ШТАНОВ.

— Если что, я люблю глубоко, Поля.

Он же не псих! Не псих! Он ничего мне не сделает. Я знаю. Я уверена.

Убеждаю себя в этом, но внутри все равно жутко паникую. Мне страшно и больно. Больно оттого, что он снова ведет себя со мной так, словно я пустое место. Та самая шлюха, которую ему продали.

Он не поверил мне в тот день, когда его отец придумал эту гадкую историю, в которой я якобы обокрала квартиру Вэла, пока он был в другом городе. Не поверил, но в итоге решил проявить благородство и забыть этот инцидент как страшный сон. Снизолел до меня.

Стискиваю зубы и чувствую, как начинают дрожать ресницы.

Хочется плакать. Хочется раствориться во времени. Исчезнуть.

Слышу его тяжелый вздох, какие-то шевеления, и тело мгновенно холодеет.

Я вся покрываюсь корочкой льда, а вот щеки печет. Так сильно печет, будто я сама вот-вот разгорюсь. Покроюсь коконом из пламени, языки которого будут больно жалить кожу до тех пор, пока я не умру.

Всхлипываю и чувствую, как Вэл обхватывает мои пятки.

Сильнее вжимаюсь спиной в диван.

— Не трогай! Я не буду! — кричу, толкаясь ногой, которую Кудяков тут же перехватывает и возвращает обратно.

— Очень жаль, — снова вздыхает.

Прикрываю руками грудь и замираю.

Пытаюсь прислушаться к происходящему, но у меня не получается. Сердце оглушает. Затмевает все остальные звуки своими громкими, быстрыми ударами.

Считаю про себя до пяти и, когда понимаю, что ничего не происходит, напрягаюсь всем телом и нерешительно открываю глаза как раз в тот момент, когда Вэл упирается подбородком в мои колени.

Он присел на корточки, обхватив мои ноги в районе лодыжек, и пристроил подбородок на моих согнутых коленях.

От этой картинки сердце в груди екает. Меня за секунду заливают теплом. По ощущениям, даже в комнате светлее становится.

Я буду лгуньей, если скажу, что мне противны его прикосновения.

— Ты серьезно думаешь, что я вот прямо сейчас буду пихать тебе в рот свой член? — приподнимает бровь.

— Ну ты же купил меня именно для этого, — отбиваю зло, словно уже чисто из упертости, хочу стоять на своем.

Я злюсь на него. Очень. За прошлое и настоящее. За его недоверие. За то, что он считает себя вправе делать все, что ему заблагорассудится. За то, что играет моей жизнью.

Но сильнее всего за то, что я помню, сейчас еще отчетливее помню, как он трогал меня. Помню его пальцы и член. Помню и хочу забыть, если честно. Забыть, потому что этой ночью я не была собой. Не была, а он этим пользовался!

— Ну да, — кивает, — именно для этого. Полина. — Обнимает мои ноги и чуть смещает голову так, чтобы прижаться к моим коленкам уже щекой. — Официантки в этом клубе просто мясо.

Вэл говорит тихо, выводя кончиком пальца какие-то странные узоры на моей коже. Эти прикосновения сейчас только сильнее нагоняют жути.

— Я отвалил за тебя кучу бабла, и знаешь, что мне сказали напоследок? — заостряет уголки губ.

Сглатываю и смотрю на Вэла во все глаза. Он выглядит сейчас пугающе. Как какой-то маньяк, что смакует детали своего последнего убийства.

— Что? — шепчу.

— Что у меня не возникнет проблем, если ты вдруг не вернешься домой. Совсем не вернешься.

Издаю неловкий смешок. Это от нервов, конечно.

Что значит, не вернусь домой? Умру? Меня убьют?

— Ты здесь одна. Родителей нет, родственников, можно сказать, тоже. Тебя никто не будет искать, если вдруг что-то случится.

Ну да, никто не будет. Мама умерла, я ее ни разу не видела, бабушка тоже. А тетка, она только рада будет, если я по-

кину этот мир или просто где-то затеряюсь. Она меня ненавидит. Это из-за нее у меня куча проблем и долгов сейчас...

Опускаю взгляд, медленно сопоставляю детали. Виола спрашивала о моей семье еще до того, как предложила выйти в смену за Дашу. Активно мной интересовалась, когда я мыла полы на протяжении недели. Но тогда мне показалось, что она просто такой человек. Сочувствующий...

Хватаю губами воздух от этого страшного осознания, чувствую мерзкий, ползущий по позвоночнику холодок, а потом выдаю первое, что приходит на ум:

— Ты тоже не будешь искать?

Вэл ухмыляется и касается губами моей коленки.

— Нам повезло, — отвечает и медленно поднимается на ноги.

Я же пытаюсь переварить услышанное, но оставаться наедине с самой собой боюсь, поэтому снова спрашиваю:

— Меня бы там купили в любом случае, да?

Вэл кивает, стоя ко мне спиной с телефоном в руках.

— Изнасиловали и, возможно, убили?

— Полина!

Вэл повышает голос, и я замолкаю, правда, ненадолго.

— Я не знала, — бормочу на выдохе. — Правда не знала. Виола сказала, что Даша заболела и попросила ее подменить. Спросила, работала ли я когда-нибудь официанткой, — всхлипываю.

— Что ты вообще там делала?

Слышу голос Вэла и растираю по щекам слезы.

— Работала. Прибиралась.

Накрываю лицо ладонями и чувствую, как диван рядом со мной проминается.

Почему-то сознаться ему, что я там мыла полы, оказывается, трудно. Мне кажется, что он начнет осуждать. Хотя после случившегося вряд ли ему вообще есть до этого дело...

— Прости, — сжимает мою ладонь в своей, — за то, что напугал сегодня.

Часто киваю, крепче вцепляясь в его руку. Так и сидим. Рядом. Держась за руки.

— Я почти все помню, — проговариваю свои мысли вслух. — Смазано, без деталей, но помню.

Вэл поворачивает голову. Рассматривает меня и молчит.

— Ты понимал, что я не в себе, — отвожу взгляд. — Понимал, но все равно...

Договорить не решаюсь, давлюсь кислородом и захлопываю рот.

Мне неприятно это говорить и осознавать тоже.

Фактически он меня спас. Технически же попользовал. Не до конца, надеюсь, но это почти ничего не меняет.

— Ты была слишком убедительной, — Вэл пытается отшутиться, а я ловлю себя на мысли о том, что изначально он ведь решил, что я там себя действительно продаю.

Решил купить меня, потому что давно хотел, и теперь вот появилась такая возможность.

В какой момент он начал меня спасать, а не лелеять свое ЭГО?

Вонзаюсь зубами в губы, сижу так полминуты, а потом спрашиваю:

— Насколько дорого я тебе обошлась?

— Поверь, — Кудяков ухмыляется, — никаких денег мне не жалко.

Он снова пытается разрядить обстановку, но я хочу знать цифру.

— И все же...

— Зачем тебе?

— Вернуть часть долга, — пожимаю плечами. — На какую-то сумму из этих денег ты же меня все-таки облапал, — кривлю губы.

Вэл как-то странно улыбается и, выпустив мою ладонь из своей, уходит на кухню. Слышу, как открывает холодильник, и иду следом.

— Тридцать.

— Что тридцать? — Прижимаюсь поясницей к столешнице у Вэла за спиной.

— Тридцать штук ты мне стоила.

— Долларов? — бормочу себе под нос, прекрасно понимая, что он говорит о них. — Так дорого? — повышаю голос.

Кудяков смеется.

— Слишком много, по-твоему? Нормально ты себя так оцениваешь. — Поворачивается ко мне лицом и надкусывает

бутерброд. — Повторюсь, сумма включает в себя отсутствие любых ограничений, — улыбается. — Так что, как будешь отдавать? Ну, раз уж решила...

Вэл

Полина растирает предплечья и смотрит себе под ноги.

Подхожу к ней вплотную, рассматриваю, а потом неожиданно даже для себя самого приподнимаю ее над полом и усаживаю на кухонный островок.

Прижимаю ладони к тонкой талии и снова тяну воздух у виска.

— Если тебе так принципиально, всегда можем закончить начатое, — улыбаюсь и перемещаю свои пальцы на внутреннюю сторону Полинкиного бедра. — Отработаешь натурой.

Полина округляет глаза. Ее взгляд скользит по моей груди к резинке штанов.

Понимаю ли я, какую дичь выдаю? Естественно.

Зачем я все это делаю? Потому что злюсь. Тупо злюсь! Причем сила этой злости настолько велика, что поступать рационально я уже просто не могу. Не получается у меня.

Выходит, я слабак?

Срываю свою злость на ней. Злость, которая скопилась во мне от бессилия, от мыслей, во что Лялька в принципе вляпалась.

После всего, что вообще этой ночью было, я будто про-

должаю над ней издеваться. Издеваться из-за того, что эта бестолочь пробудила во мне какие-то запредельно нереальные страхи.

Я еще никогда так не боялся за кого-то, как в тот момент, когда уводил ее из этого места. Когда вообще ее там увидел, когда понял, что все может кончиться плохо.

Сталкиваю нас лбами. Буквально.

Закрываю глаза и вжимаю Ляльку в себя с такой силой, что у нее вот-вот начнут хрустеть кости. Эмоции в этот момент переполняют. Эйфория, смешанная с болезненной ломкой по этой самой девочке. Я так давно к ней не прикасался, так давно не ощущал ее, не видел...

Ее запах кружит голову и сворачивает кровь.

Сжимаю свои дрожащие пальцы у нее на талии и чувствую, как задыхаюсь. Меня потряхивает, как от шприца адrenalина поверх энергетика.

Чувства собираются в клубок, и я произношу то, что вертится на языке ровно с того дня, часа, минуты, когда она от меня ушла. Вкладываю в эти слова всю свою внутреннюю боль потери.

— Возвращайся, — шепчу, ощущая, как напрягается ее тело в моих ладонях. — Мне без тебя хреново. Пожалуйста... возвращайся.

Касаюсь кончиком носа Полькиной щеки и закрываю глаза.

Она вздрагивает. Вытягивается, как струна и, кажется, да-

же не дышит.

— Вэл... — впивается ногтями в мои плечи. — Я не могу.

Я ее только слышу, не вижу, но почему-то уверен, что когда она это говорит, то крепко зажмуривается.

— Можешь, — все-таки смотрю на нее. Глаза в глаза.

Полина отстраняется, несмотря на то, что мои ладони в этот момент обхватывают ее щеки.

— Все закончилось. Я... я не хочу, — трясет головой. — Ведь в глубине души ты же понимаешь, что я тебе не подхожу. Понимаешь, но упорно этому сопротивляешься, потому что привык получать желаемое!

В какой-то момент она переходит на истеричный крик. На меня ее слова действуют как ледяной душ. Перевернутые, неверные слова.

Я никогда так не думал. Никогда!

Отхожу от нее подальше, чтобы погасить в себе очередную вспышку ярости, которая возникает практически на ровном месте. Почему-то мысленно возвращаюсь к ее словам о том, что у нее есть парень. Где он сейчас, блин? Але!

Я не сошел с ума, она мне это говорила, когда я приезжал с извинениями в общагу. Говорила...

— Или, — ухмыляюсь, — потому что у тебя новая любовь?

— Тебя это не касается!

— Ну знаешь, после того как отстегнул за тебя тридцать штук, хотелось бы прикоснуться, — улыбаюсь и убираю руки

в карманы спортивных штанов. Уже там сжимаю их в кулаки.

Снова перегибаю. Снова и намеренно. Выплескиваю злость и свое бессилие этими словами. Потому что по факту ни черта я не могу сейчас сделать. Никак не могу на нее повлиять. Если только заставить...

Такие мысли тоже были. В моей больной башке вообще ворох подобных мыслей. Оставить ее рядом с собой силой тупо потому, что могу.

Мудак, ага.

— Я все верну, — шепчет, и я едва улавливаю эти звуки.

— Меня совсем не интересуют деньги, — пожимаю плечами, — особенно те, которых у тебя нет.

Забавно, что сейчас у меня их тоже нет. Этих сраных денег. Я слил этой ночью все, подчистую. Карточка выпотрошена. Если повезет, возможно, найду в квартире какую-нибудь заначку наличкой...

Лялькина работа официанткой в этом притоне дорого мне обошлась...

— И чего же ты хочешь? — спрашивает, чуть помедлив.

— Ставка никогда не меняется, — злобно хмыкаю. — Тебя.

— Меня? А ты не забыл спросить, хочу ли этого я, Вэл? Буквально недавно ты вышвырнул меня из своей жизни.

— Ты ушла сама.

— Ты не держал.

— Мне нужно было время во всем разобраться.

— И ты разобрался. Только вот мне от этого не легче. А после того, что произошло этой ночью, стало еще сложнее. Ты мною воспользовался...

Пропускаю через себя ее последние слова и зверею.

— Воспользовался? — поворачиваю голову, и Полинка тут же вжимает свою в плечи.

— Да, но, уже по привычке, снова и снова хочешь быть рыцарем...

— Рыцарем, значит?! — улыбаюсь. — Окей. Спасибо, Полина.

— Ты же понимаешь, о чем я...

— Нет. Не понимаю.

Полька всхлипывает. Мне же в этот момент хочется на нее взглянуть, но я не могу сейчас себе этого позволить. Пялюсь в окно.

— Ты... ты видел меня голой. Я помню. Ты трогал меня там, ты... Я сама себя при тебе трогала. А мы не пара больше. Понимаешь?

— Если честно, не очень.

Полина что-то бубнит себе под нос, а потом произносит уже громче:

— Я хочу отсюда уйти.

— Я тебя не держу. Иди.

Слышу, как соскальзывает со столешницы, идет в сторону спальни, замирает в дверном проеме, шумно выдыхает и спрашивает шепотом:

— Ты правда не знаешь, где мой телефон?

Боковым зрением вижу, как она приподнимает правую ногу на носок, упираясь ладонью в косяк. Волосы в этот момент падают ей на лицо, а футболка едва прикрывает задни-

цу, после того как Полина прыгнула со столешницы.

— Нет, — качая головой, переводя взгляд в окно на проплывающий по реке катер. — Документы в сумке были?

— Нет.

— Хорошо, — киваю и перемещаюсь обратно в гостиную. Достая из шкафа свой запасной смартфон. — Держи, — протягиваю коробку Польке, возвращаясь на кухню.

— Зачем?

— Чтобы у тебя не возникло мысли вернуться туда за своим телефоном.

— Я и не собиралась...

— Возьми, — сую ей в руки.

— Мне...

— Бери. Щас принесу какие-нибудь шмотки, чтобы ты могла переодеться, и отвезу тебя домой.

Вряд ли моя психика выдержит, если она пройдетя по городу в этом шлюхастом платье из клуба.

— Я доберусь сама.

Пропускаю ее слова мимо ушей и ухожу к себе в спальню.

Когда сталкиваемся с Лялькой в прихожей, она тяжело вздыхает.

— Я правда доеду сама, Вэл.

— Обязательно.

Надеваю кроссовки.

Полька стоит, вжавшись в стену, одетая в мой спортивный костюм. Ее шпильки валяются здесь же, у двери.

— Придется на каблуках, мои тапки тебе будут совсем не по размеру, — улыбаюсь и подталкиваю ее на площадку.

— Вэл...

— Пошли, — беру ее за руку и, закрыв дверь, веду к лифту.

Как только оказываемся в кабинке, прижимаю к стене и наваливаюсь сверху. В башке такой кавардак, что я местами теряю реальность. Примерно как сейчас, когда целую Ляльку. Маниакально.

Это настоящая беспощадная агония.

Давлю пальцами Полинке на скулы, чтобы она приоткрыла рот и впустила в него мой язык. Фиксирую ладонью затылок, чуть зарываясь пальцами в ее рыжую копну волос, и закрываю глаза. С ума по ней схожу.

Полина пытается сопротивляться. Первые секунды точно. А потом, потом расслабляется.

Обвивает руками мою шею, отвечает на поцелуй и раззадоривает этим еще больше.

— Ты все равно будешь со мной, — злобно шепчу ей в губы. — Все равно!

Когда лифт тормозит на одном из этажей и в него кто-то заходит, моя рука уже вовсю лапает Полькину грудь под кофтой.

— Вэл, — шепчет, останавливая мои поползновения. — Так нельзя.

Часто киваю, но не отпускаю ее. Продолжаю мучить нас

обоих.

Лифт снова останавливается. Полина пугливо смотрит мне за спину и поджимает губы.

— Прости, — упираюсь ей в лоб своим.

Сколько за время нашего знакомства я говорил ей — прости?

Наверное, сотни раз...

Полина ведет кончиками пальцев по моей щеке и производит:

— Я правда очень тебе благодарна за то, что ты... За эту ночь, — краснеет, — то есть...

— Я понял, — киваю.

— Ты сказал, что отвезешь меня домой. Надеюсь не на лифте? — путается разрядить обстановку.

Вытягиваю ее за руку на лестничную клетку. Мы быстро проходим мимо консьержа и оказываемся во дворе.

Подземного паркинга тут нет. Дом старый. Когда-то тут жила московская интеллигенция. Эта квартира принадлежала еще моей прабабушке по маминой линии.

Не Сити, конечно, хоть и самый центр.

Открываю тачку и жду, когда Полина сядет внутрь. Адрес общаги я знаю наизусть. Туда ее и привожу. Пока едем, не могу удержаться, чтобы не потрогать ее за коленку.

Полина на мои прикосновения реагирует каждый раз одинаково — смотрит на меня осуждающе, но не так, чтобы я тут же убрал руки.

По факту мы словно вступаем в какую-то игру...

— Спасибо, — благодарит у крыльца общажного корпуса и, не попрощавшись, вылетает из машины.

Смотрю ей вслед и сразу же уезжаю.

Правда, километра через четыре тачка глохнет. Сначала даже не врубаюсь почему, а когда доходит, что кончился бензин и у меня нет бабла даже залить бак, ржу во весь голос.

Первые несколько минут тупо смотрю в лобовуху и улыбаюсь как придурок. Попал, конечно. Пораскинув мозгами, звоню Стеклову. Нужно где-то перехватить денег. Ярик, как и я сейчас, почти на нуле.

— Вэл, подскакивай к нам, — слышу сразу, как только Стеков отвечает на звонок.

— Глебыч, бабки нужны, — прошу без прелюдий. Какой в них вообще смысл?

— Да без проблем, сколько?

— Штук триста.

— Понял. Ща скину.

На телефон почти сразу падает сообщение о переводе.

— Спасибо, — сжимаю пальцами руль.

Впервые чувствую себя неважно из-за денег. Новый опыт в моей жизни, не самый приятный, я вам скажу.

— Будешь должен, — ржет. — Приезжай давай, харе там тухнуть.

— Окей. — Вылезаю из машины и ставлю ее на сигнализацию. — Такси возьму только.

— Понял, — отключается, а я ставлю точку на карте и жду такси.

Минут через сорок заваливаюсь в Стековский пентхаус.

— Пиво будешь? — предлагает Глеб.

— Буду.

Стеклов открывает холодильник и достает две бутылки. Откупориваем их одновременно. Газированный напиток издает тихое шипение. Здесь отличная шумоизоляция. Басы из гостиной на кухне практически неощутимы.

— Давай за прошедшую ночь. Леднев вон до сих пор отходит.

— Он тут?

— На втором этаже валяется. Вырубило с пары стаканов.

— Давай, — киваю и салютую бутылкой.

— Так что за проблемы с финансами? — Глеб приподнимает бровь.

Ответить ему не успеваю. Он отвлекается на телефон и просит меня подождать его тут, пока он кому-то откроет. Лично.

Делаю несколько глотков пива и разворачиваюсь к окну. Смотрю на стену Кремля, раскинувшуюся на другом берегу реки, и нервно постукиваю пальцами по стеклянной бутылке.

Мозги до сих пор плавают.

Как только понимаю, что остался один, ловлю мощный откат. Даже пальцы подрагивают.

Ночь была трешовой.

Только Полина из всех, кого я знаю, могла вляпаться во что-то подобное, и, чем это могло закончиться, страшно да-

же предположить. Нам с ней крупно повезло — это факт.

Я купил ее как кусок мяса, блин. Если кто-то увозит из клуба близнецов девочку, домой она и правда уже не возвращается. Естественно — это не постоянная практика, но официантки, стрипухи и прочие девки там заканчиваются быстро. Неделя, может быть две, и снова новые лица.

Дело — дрянь вообще...

Если бы Леднев не вляпался в бои, меня бы там вчера не было, а значит...

Думать об этом не хочу, башка и так вот-вот лопнет.

Полина...

Мы херово расстались. Наверное, я не лез к ней все это время, потому что и правда испытывал чувство вины. Вины за то, что не поверил ей. Усомнился. Тут она права.

Просто было трудно представить, что мой собственный отец способен на такую дичь. Нереально...

Мне понадобилось чуть больше двух недель, чтобы убедиться, что по его просьбе Польку и правда задерживали менты, они засветились на камерах у метро. Ну а дальше клубок размотался сам собой, удивительно, что папа мой в итоге даже отрицать ничего не стал.

Его идиотская фраза: «Она тебе не подходит, я хочу для тебя как лучше», — до сих пор на зубах скрипит.

Когда он вдруг решил, что имеет право выбирать за меня?

Полина ушла, и меня снова крутит. Я в ней усомнился теперь уже дважды. Ведь в клубе проскользнула мысль, что

она там вполне осознанно? Проскользнула...

Несмотря на то, что я быстро ее от себя отогнал, мысль была.

— Вэл, познакомься, это Алиса.

Реагирую на голос Стеклова поворотом головы.

— Привет, — выдавливаю улыбку, замечая, что девчонка тушуетя. Не ее формат вечеринок явно.

— Глеб, я, наверное, пойду, — бормочет. — Дурацкая была идея прийти.

— Алиса, — Стеков приобнимает ее за плечо, — не начинай. Сестра твоя здесь, кстати.

— Алина? А где?

— Там где-то...

— Я тогда поищу ее, — Алиса мило улыбается и выскальзывает за дверь.

— Что за телячьи нежности? — спрашиваю, разворачиваясь к Глебу лицом. — В твою искренность верится слабо.

Стеков расплывается в скотской улыбке.

— Поставил на нее свой «Дукати». Развлекаемся с Германом.

— Ты всегда его ставишь...

— И заметь, ни разу не проигрывал.

— И в чем спор?

— А то ты не знаешь, Кудяков.

— Любовь и девственность? — ухмыляюсь. — Старо как мир.

— Ну! Таких припевочек у меня еще не было. Самому интересно. Ладно, забей на нее. Лучше расскажи, че у тебя с баблом?

— Выгреб все подчистую этой ночью.

— А я тебе говорил, что нехрен в Робин Гуда играть. Есть риск остаться ни с чем. Принцесса сбежала, на карте пусто, да и рожа у тебя — будто прям щас откинешься.

— Диагноз почти правильный.

— Ну и завязывай киснуть!

— Спасибо за деньги. Верну недели через две.

— Ты на них эти две недели выживи сначала, — ржет.
— Можешь не отдавать, ты же знаешь, это тупо деньги. Не понял...

Стеклов замирает по центру гостиной, как только мы в нее попадаем, и пялится на лестницу.

— Судя по всему, у тебя появился конкурент на припевочку, — хмыкаю.

Девчонка с широченной улыбкой болтает с каким-то чуваком, и он уже несколько раз дотронулся до нее. Предплечье, пальцы, локоть...

— Я ща, — Глеб двигает туда, а я поднимаюсь на крышу по другой лестнице.

Падаю на шезлонг и пялюсь на хмурое московское весеннее небо.

Я на нуле. Теперь еще и в долгах. Работы нет. Доки из универа я забрал еще три месяца назад. Попадалово, конеч-

но. Надо что-то думать...

Прокручиваю в башке все то, что умею в этой жизни, и, если честно, наскребаю немного. Это удручает.

Когда на телефон падает сообщение от Майи — оживляюсь.

Что ей могло понадобиться?

Перезваниваю, как она просит, принимая уже сидячее положение.

— Вэл, привет! Не отвлекла?

— Я же перезвонил.

— Точно, дико туплю. Слушай, одному человеку нужна информация, и я подумала, что ты можешь с этим помочь.

— Какому?

— Марату. Это насчет его жены... В общем, история там сложная и долгая. Он тебе сам расскажет. Ты ему позвони только, хорошо? Номер я скину.

— Ладно.

— Если что, он готов заплатить...

Даже так? Улыбаюсь и тут же оживляюсь еще больше.

— Разберемся, Май.

— Ну да, извини. Все тогда, спасибо огромное. Пока!

— Погоди, а Мейхер твой помочь брату своему не может?

— Не хочет, Вэл, у них сложные отношения. Поэтому...

— Понял. Принял. Пока.

Ну что ж, выходит, что все не так и тухло, господа.

**Очаровашки, у меня сегодня стартовала новинка
«Он поспорил на тебя»**

**читать: <https://litnet.com/shrt/uVSC> (про Глеба и Алису)
Буду всем очень рада! Естественно, наличие еще одного процессника, никак не повлияет на качество выкладки этого! Все, кто читают меня не в первый раз, это знают))))**

— Глебыч, Ростовецкая чет слишком борзая стала. Не кажется? — спрашивает Герман. Мы как два осла палимся Алиске вслед. — Надо проучить, — киваю. — Месяц — и будет бегать за мной, как собачонка, с влюбленными глазами. В этот раз она меня реально выбесила. — Ростовецкая, кроме преподав, чтоб исправить пятерку на пятерку с плюсом, ни за кем не бегаёт, чувак. — Спорим? — протягиваю ладонь. — Ставлю свой байк. Теперь это, блин, дело принципа. *** Глеб Стеклов — зарвавшийся мажор без каких-либо моральных принципов. Я всегда считала его придурком, но одна ночь все изменила. Он спас меня от хулиганов, и я искренне решила, что плохим он просто притворяется. Влюбилась. Думала, это взаимно, но это был всего лишь спор. Спор на меня. На мою невинность. Месть за его задетое самолюбие...

(Книга участвует в литмобе в_первый_раз)

Полина

— Так, повтори-ка еще раз, — Варя упирает руки в боки, оглядывая меня совсем недобрый взглядом.

Опускаю голову, стоя перед ней в Кудяковском спортивном костюме. Вечер уже, но я до сих пор его не сняла. Это как болезнь. Но он пахнет Вэлом, его туалетной водой, и я не могу так быстро отказаться от ощущения, что Велий сейчас рядом.

— Я уехала.

— Ты уехала! — охает, поднимая руки к небу. — Боже, дай этой женщине мозгов. Уехала... То есть он тебя оттуда вытащил, не притронулся...

Кривлю губы, посылая Варьке многозначительный взгляд. Конечно же, я рассказала ей про эту ночь все. О том, как мне что-то подмешали, как продали. О том, кто меня купил в итоге. Единственное, что утаила, так это, как я вешалась на Вэла под действием этой дряни.

— Он меня всю излапал, — краснею. — Но я там смутно все помню, что толком даже не уверена, точно ли ничего не было!

— Ну, ладно, тут вопросы к нему, наверное, есть. Со-

гласна. Но все равно! Он тебя из такого дерма выволок, а ты его послала?!

— Я не посылала.

— Серьезно? Сама говоришь, он просил тебя вернуться.

— Это его минутная слабость на фоне адреналиновой ночи.

— Ну конечно. Думай так, думай, и останешься старой девой с сорока кошками.

— Варя, — смеюсь, — что за бред?

Варя фырчит и перемещается на кухню. Иду за ней. Наблюдаю за тем, как она вытаскивает из холодильника вчерашний суп и разливает его по тарелкам.

— Ладно, из вас двоих Вэл более сообразительный, так что, может быть, он приедет на еще один разговор? — бормочет себе под нос, но так, чтоб я слышала.

— Не приедет.

— Это почему?

— Он не знает, где мы живем.

— То есть? Ты же сказала, он тебя подвез.

— До общаги, — киваю.

— Ты... погоди... Ты ему не рассказала про наше выселение? Про квартиру? Ты намеренно все скрыла! — тычет в меня пальцем в воздухе.

— Меня ректор почти лично съехать попросил...

— Ну! Вэлу нужно было знать, что его дед заодно с отцом.

— Варя, ну как же ты не поймешь? — психую. — Это не

игрушки. Совсем не игрушки. Его отец — страшный человек, — зажмуриваюсь, вспоминая, как меня схватили и посадили в клетку по его приказу.

— Но Вэл теперь знает, что его отец тебя подставил...

— Это ничего не меняет, — качаю головой и вытаскиваю ложки.

— Ты правда так зла на него из-за того, что он тебе не поверил?

Замираю на секундошки и снова качаю головой.

— Нет. Но ты же видишь, что происходит?

Варя хмурится и смотрит в окно. Вместе смотрим, словно именно там и кроется ответ.

— Что? — шепчет.

— До моего появления у Кудякова все было хорошо. Я ему мешаю и все порчу. Ему вечно приходится помогать мне. Решать мои вечные проблемы. Он с отцом своим из-за меня поругался, — вздыхаю, — так не должно быть. Если бы у меня была семья, я бы не ругалась, — всхлипываю.

Варя тут же меня обнимает.

— Ты просто со своей колокольни судишь, вряд ли Вэл думает так же, Поль.

— Может быть, ты и права, но я не хочу рисковать. Я боюсь его отца, меня отчислят, в порошок сотрут. Еще этот кредит дурацкий...

— Да уж, тетка твоя постаралась. Коза, блин. Проценты бешеные просто. Я тут разговаривала с одним человеком,

может, все-таки в суд?

— Варь, — сглатываю и на выдохе сознаюсь: — Я не пойду в суд. В прошлый раз, когда мы сюда переехали и я сменила номер, они нас нашли. Подкараулили меня у подъезда и плеснули в лицо какую-то дрянь, — крепко зажмуриваюсь. — Сказали, что в следующий раз будет кислота, если я...

Задыхаюсь от волнения и разрастающейся внутри боли. Моя тетка взяла кредитку по данным моего паспорта в какой-то микрофинансовой организации нашего региона, которая почти сразу продала этот долг компании по выбиванию денег. Те накрутили проценты и благополучно меня нашли. У них такой бизнес.

— Прости, — шепчет Варя и тут же меня обнимает. — Ты не рассказывала...

— Не хотела грузить тебя еще и этим. Ты и так вон... — оглядываюсь. — Ушла со мной из общаги.

— Одна бы я с этими выдрами не осталась. Змеи!

Шмыгаю носом и улыбаюсь. Поворачиваемся с Варей лицом друг к другу и, сморщив носы, шипим.

— Варя, — сглатываю и заглядываю ей в глаза, — я там Ярика ночью видела. Он дерется. За деньги.

— Я знаю, — Варя зажмуривается и отворачивается. — Прости, что не рассказала...

— Почему?

— Ярик не хотел, чтобы кто-то знал, даже друзьям не сразу рассказал. Ну а я... это не моя тайна, поэтому...

Варя хмурится и выключает плиту, суп вскипел. В дверь в этот момент звонят, и мы обе вздрагиваем.

— Кто это? — переглядываемся.

— Не знаю, — выхожу в прихожую следом за Варей. Она смотрит в глазок и, повернувшись ко мне, расплывается в улыбке. — Это Вэл.

Пячусь. Как он узнал, где мы?

— Девки, дверь открывайте, я знаю, что вы внутри.

Большая просьба, если история вам нравится - поставить лайк/ «мне нравится» ★#

Варя с улыбкой до ушей снова подбегает к двери и заглядывает в глазок.

— Он с цветами, — шепчет, стреляя в меня взглядом, мол, хватит ломаться, впускай его уже.

Медлю. Прикидываю в своей голове, чем для меня обернется этот его внезапный визит, и, не найдя ответа, нервно постукиваю пяткой по полу.

— Так, если ты его непустишь, — шипит Варька, — это сделаю я.

— Только попробуй, — прищуриваюсь и щиплю ее за бок.

— Полина! — Варя морщится и легонько шлепает меня по заднице. — Коза, блин. Все, я его впускаю, — тянется к защелке.

— Не смей! — бросаюсь ей наперерез.

— Это почему?

— Потому что!

— Не аргумент.

Мы толкаемся друг с дружкой у самой двери, переговариваясь шепотом, а я не могу перестать думать о том, зачем он приехал. Мы вроде обо всем поговорили, разве нет?

Еще и с цветами...

Не впущу, не узнаю, по крайней мере сегодня, но я боюсь,

что не выдержу еще одну нашу встречу за этот нескончаемый день.

— Полина, ты просто трусишка! — подруга тычет меня в грудь пальцем и расплывается в улыбке. — Боишься своих чувств, да? Боишься броситься ему на шею?

— Что? — Смутившись, отдаляюсь от Вари на безопасное расстояние. — Бред.

— Бред ли? — подмигивает.

— Хорошо, — соглашаюсь, вытягивая шею, — сама его развлекать будешь, и общаться тоже.

Варя закатывает глаза и вопреки моим угрозам, все-таки открывает эту чертову дверь.

Кудяков медленно сканирует нас захмелевшим взглядом и расплывается в ехидной улыбке. Он пьян, а в руках у него и правда цветы. Огромный букет бледно-розовых пионов. Запах чувствуется через порог.

Но до цветов мне дела нет. Вэл пьян! Я ни разу его таким не видала. Ни разочка...

— Вэл, привет! — улыбается Варя.

Кудяков ей кивает, а сам при этом смотрит на меня. Обнимаю свои плечи, чувствуя, как начинают гореть щеки. О чем он сейчас думает? Особенно если учесть, что я до сих пор шастаю по дому в его костюме, и он это прекрасно сейчас видит...

— Ну... — бормочет Варя. — Я вас оставляю.

Гадина. Самая настоящая гадина. Не подруга, а преда-

тельница!

Тоскливо смотрю ей вслед и слышу хлопок двери. Кудяков все-таки переступил порог и зашел в квартиру. Даже дверь за собой закрыл. Хотя в моей ситуации это скорее минус, чем плюс.

— Тебе, — сует мне в руки цветы.

— Спасибо, — вздыхаю, прижимая букет к груди.

Вэл тем временем разувается. Ну да, ему приглашения пройти дальше, видимо, особо-то и не нужно. В смятении обнимаю букет крепче, наблюдая за тем, как Кудяков снимает куртку и бросает на тумбу свой телефон.

— Телефон лучше взять с собой. Мы снимаем комнату, а не всю квартиру. Тут есть еще люди, — произношу, крутанувшись на пятках, и шагаю на кухню, у Вари где-то там была ваза.

Пока разбираюсь с букетом, высвобождая его из упаковки, не могу не думать о хозяйке квартиры. Что, если она нас выселит? Условия же почти как везде — никаких мужиков, гулянок и прочих «радостей» жизни.

Успокаивает лишь то, что соседка у нас адекватная, к ней тоже приходят гости, в том числе и парни, а сама хозяйка заглядывает сюда только за деньгами, поэтому бояться, скорее всего, нечего, но я все же опасаюсь.

Набираю в вазу воды и перемещаю в нее букет.

Вэл все это время стоит у меня за спиной, и это нервирует.

— Чего ты хочешь? — резко разворачиваюсь к нему ли-

цом с желанием спровоцировать ссору и его скорейший уход, но, не рассчитав силы, нарываюсь лишь на его стальной хват и губы.

Губы, накрывающие мой рот в напористом поцелуе с нотками тирании.

Вэл забивает на все мои попытки сопротивления и продолжает целовать, даже когда я прикусываю ему губу.

— Не прокатит, — ухмыляется, оторвавшись лишь на мгновение и переместив меня к стене, вжимает в нее спиной.

— Я не хочу, — упираюсь ладонями в его плечи и поднимаюсь на носочки. — Не хочу!

Вру. Вру даже самой себе сейчас. Давлю ладонями на его каменные плечи и чувствую, как в уголках глаз собираются слезы. Не оттого, что Вэл делает со мной физически, нет. Они там из-за моих к нему чувств. От того состояния, в котором я живу все эти месяцы, от того, что произошло это ночью...

Всхлипываю. Вэл тут же притормаживает. Обхватывает ладонью мою щеку, смотрит в глаза.

— Мне нужно умыться, — выдавливаю из себя улыбку и ускользаю в ванную. Кудяков меня больше не удерживает, поэтому я с легкостью освобождаюсь от его огненных прикосновений.

Кожу в местах, где он меня трогал, печет.

Зажигаю в ванной свет, открываю воду. Умываю лицо, мою руки с мылом, приглаживаю мокрыми пальцами волосы

на висках и вижу в зеркале отражение Вэла все это время. Он меня отпустил, но почти сразу пошел за мной следом.

— Уходи, пожалуйста, — шепчу, впиваясь пальцами в край раковины.

Вэл закрывает дверь на защелку и, мотнув головой, усаживает меня на стиральную машинку буквально за какие-то секунды. На автомате развожу колени, позволяя ему устроиться между.

— Вэл...

— Я. Не. Уйду, — сжимает мое бедро рукой, а кулаком второй упирается в поверхность стиралки.

— Ты пьян.

— Не, — качает головой в отрицании.

— Да. — Прикрываю руками грудь. — Ты сел в таком состоянии за руль?

Очень надеюсь, что нет. Он же мог пострадать, сам, и не только. Это пугает. Мысль о том, что с ним может, что-то случиться, расплзается по телу холодком, от которого почти нереально избавиться.

— На такси, — расплывается в улыбке.

— Я что-то смешное сказала?

— Переживаешь? — продолжает улыбаться.

— Еще чего, — отворачиваюсь. — Конечно нет, просто спросила.

— Я так и понял, — тянется ко мне. Трогает волосы, шею, прижимает ладонь к затылку и тянет меня на себя. — Свалю,

если поцелуешь. Сама.

Сглатываю. Рассматриваю его во все глаза и переполняюсь чувствами. Вдруг понимаю, что на самом деле совсем не хочу, чтобы он уходил. Совсем-совсем.

— Не буду.

— Это приглашение остаться? — запускает ладони мне под худу и практически сразу сжимает ими мою голую грудь.

Вздрагиваю, захлебываясь от острых, ни на что не похожих ощущений.

Голос садится, я даже возмутиться первые секунды не могу. Просто шлепаю, как рыбка, попавшая на сушу, губами и смотрю на Кудякова, широко распахнув глаза.

— Вэл!

— Что? — ухмыляется и сжимает мой сосок подушечками пальцев.

Вздрагиваю. Тело на эти прикосновения реагирует мгновенно. Ему нравится. Оно отзывается. Бастует только разум. Это же вопиющий кошмар! Я не спала с Кудяковым, когда мы встречались, а теперь, когда мы не вместе, меня посещает эта мысль.

Я ушла от него сама. Добровольно. А потом, в моменты, когда слезы в подушку не помогали, я возвращалась мыслями в прошлое, в моменты, где у нас все было хорошо. Возвращалась, лежа ночью в кровати. Вспоминала все его поцелуи, прикосновения и... сама доставляла себе удовольствие, представляя, что это он. Что я в этой пустой, холодной по-

стели не одна...

— Тебе неприятно? — спрашивает, касаясь губами моей щеки.

Бормочу ему в ответ что-то совершенно несвязное, пока Вэл продолжает терзать мою грудь, то сминая полушария ладонями, то сжимая соски пальцами.

Меня потряхивает от этих манипуляций, я нахожусь на грани. Они кажутся болезненными, но в то же время сотрясают тело возбуждением. Хочется свести колени, потому что низ живота пышет огнем. Меня закручивает в тугий узел и поработывает. Я становлюсь заложником этих самых ощущений.

Хочу, чтобы Вэл прекратил, но при этом мечтаю, чтобы не останавливался.

— Ты должен уйти, — бормочу, упираясь лбом ему в висок.

С губ в этот момент слетает негромкое — ах.

Вэл в эту же секунду расплывается в улыбке и подтягивает меня к себе еще ближе. Я чувствую его возбуждение. Чувствую выпуклую линию ширинки, упирающуюся мне прямо между ног. Полнота ощущений запредельная. Сжимаю пальцы в кулаки, удерживая свои руки у него на плечах.

— Не должен.

— Мы обо всем поговорили, — шепчу, плотно зажмуриваясь, потому что его наглая ладонь оттягивает резинку моих спортивных штанов и касается трусов в самой мокрой точке.

— Я пока ни о чем с тобой не говорил, — трется носом о мою щеку и отодвигает ластовицу.

Его пальцы собирают выделившуюся из меня влагу и совершают поглаживающее движение по самому чувствительному месту.

— Я так сильно тебя хочу, — шепчет мне в губы и сразу целует.

Жадно, напористо, но в то же время нежно. Ласкает языком мой рот, продолжая скользить пальцами между моих влажных складочек, доводя до сумасшествия. Ощущения в этот момент начинают зашкаливать. Я теряю разум и сама придвигаюсь к нему плотнее. Еще немного, и начну насаживаться на его пальцы для полноты ощущений.

Вэл улыбается, смотрит в мои глаза и перестает целовать. Он больше меня не целует! Это так сильно ранит мое замутненное сознание, что хочется плакать. Не целует... Только смотрит. Смотрит и продолжает эту пытку. Скользит подушечкой пальца по клитору выверенными круговыми движениями. Они медленные, дразнящие, доводящие до истерики, потому что с каждым его движением разрядка то подступает, то отдалается на сотни тысяч километров.

Это мучение. Издевка. Настоящая внутренняя истерика. Впиваюсь ногтями ему в плечи, а потом обнимаю за шею.

Меня натурально трясет. Мои маленькие ночные удовольствия, которые я доставляла сама себе, становятся черно-белыми и не несут доли того наслаждения, которое я чувствую сейчас.

Я натурально схожу с ума от похоти, а он улыбается. Зацеловывает мою шею, щеки, подбородок, губы и улыбается!

— Хочешь кончить? — растягивает слова, переходя на шепот.

Практически ненавижу его в этот момент. Ненавижу, потому что хочу. Хочу, но никогда ему не признаюсь в этом. Ни за что.

Я молчу. Молчу, крепко сжав зубы, но, когда Вэл вытаскивает руку из моих трусов, — протестую. Издаю шипящий звук, вызывая у Кудякова этим еще большую улыбку.

— Нужно просто сказать, Поля. Просто сказать, — сжимает мою грудь.

— Нет, — мотаю головой, а сама, вопреки своим же словам, вцепляюсь в Вэла мертвой хваткой.

Я натурально на грани истерики. Меня потряхивает. Щеки горят. Между ног тоже все горит. Мои трусы вымокли насквозь. Я на пределе, а он будто специально надо мной издевается.

— Что — нет?

— Ничего. Ничего! Мы расстались!

— Но у нас есть много общих тем, — ухмыляется. — Это, — давит ребром ладони на мою промежность через ткань

штанов, — и это, — осторожно выкручивает сосок. — Или, например, это, — касается моих губ своими. — По-моему, достаточно. Сейчас точно.

— Нет-нет-нет-нет.

Чувствую, что к горлу подступает истерика. Я запуталась окончательно. Меня все еще трясет от перевозбуждения, оно смешивается с пониманием того факта, что мы с Вэлом растались, и лишь усугубляет ситуацию.

— С бывшими можно, — снова шепчет. — Это нормально, — прижимает ладонь мне между ног.

С бывшими? С Майей он тоже?

Эта мысль отравляет все вокруг за долю секунды. Я всхлипываю и поднимаю взгляд так, чтобы наши с Вэлом глаза столкнулись.

Он словно слышит меня без слов.

— С Майей — нет, — отрезает холодно и снова запускает руку в мои штаны. На этот раз игнорирует пульсирующий клитор и погружает в меня пальцы. Совершает несколько медленных, а потом быстрых толчков, от которых я теряю ориентиры и покрываюсь липким потом.

Жарко. Мне так жарко, что хочется раздеться.

Вэл снова совершает очередной толчок пальцами внутри меня, а потом прижимает подушечку большого к изнывающему от недостатка прикосновений бугорку. Совершает пару круговых движений, усиливая давление, и я рассыпаюсь в мелкую крошку. Мышцы сжимаются, с губ слетает громкий

стон, а тело сотрясает мелкой дрожью снова и снова.

Пространство вокруг размывается. Голова становится тяжелой, а тело — ватным. Становится трудно шевелиться и даже дышать. Я чувствую пульсацию внутри себя и задыхаюсь от полученного удовольствия.

Вэл крепко меня обнимает, зацеловывает. Не сразу убирая руку, а когда это все-таки происходит, я завороченно наблюдаю за тем, как он облизывает свои пальцы, что еще секунды назад были внутри меня.

Эта картинка сохраняется в моем сознании теперь уже навсегда.

Вэл же быстро снимает с меня худи и припадает губами к ноющим соскам. Поочередно ласкает языком, губами. Втягивает, посасывает, разбивая меня этим окончательно.

Я задыхаюсь от близости, от переполняющих меня эмоций, и поэтому не сразу замечаю, как Вэл расстегивает ширинку и крепко сжимает пальцами мое запястье.

— Пожалуйста, Полина, — тянет меня за руку к своему члену. — Блядь! Я тебя прошу, — выдыхает мне в губы.

Нерешительно касаюсь кончиками пальцев влажной головки, и член тут же дергается. Мои глаза в этот миг округляются, а в горле пересыхает.

Не верю, что все это происходит в реальности. Может быть, я сплю или меня снова чем-то накачали? Правда, когда ловлю взгляд Вэла, понимаю одно — это реальность. Наша с ним реальность.

Задерживаю дыхание и подчиняюсь происходящему. Обхватываю ладонью ствол и совершаю несколько поступательных движений.

Губы приоткрываются сами собой. Я почти не дышу.

Прозрачная смазка выделяется мне на руку, упрощая процесс. Вижу, как Вэл прикрывает глаза, и неосознанно улыбаюсь, понимая, что ему нравится.

Улыбаюсь, пока в дверь ванной не начинается барабанить соседка.

— Полина, валите к себе в комнату! — бьет кулаком по двери. — Что за траходром ты там устроила?

Краснею пуще прежнего.

Первое, что хочу сделать, — это убрать руку, но Кудяков накрывает ее своей ладонью, лишая меня этой возможности.

— Полина!

— Я ее сейчас убью на хер! — шипит Вэл сквозь зубы, начиная помогать мне своей рукой.

Сдавливает мои пальцы и ускоряет движения.

Предэякулянта становится в разы больше, а дыхание Вэла — глубже. Он совершает несколько резких толчков, крепко сжимая мое бедро.

Вгрызаюсь в свою нижнюю губу и чувствую, как теплая, густая сперма растекается по моим пальцам и ладони. Моргаю, медленно убираю руку и почти сразу оказываюсь в крепких, почти стальных объятиях.

Вэл давит ладонью мне на затылок, целует и произносит:

— Почему ты не понимаешь, как сильно я тебя люблю?

Вэл

Полина поднимает на меня свои огромные глаза, в которых в этот момент сосредотачивается вся моя вселенная. Она и есть моя вселенная! Вот эта рыжая, звонкая, зеленоглазая девочка. Моя зависимость, одержимость, сумасшествие...

Противоположности притягиваются, да?

Меня к ней приклеило намертво. Не просто притянуло, пришило, вживило, а потом поработило. Навсегда.

Четыре сраных месяца. Сто двадцать дней без нее — мука. Личный ад. Личная агония.

Кишащие в котле черти, не дающие покоя, а где-то под ними росток света и благоразумия. Росток истины — хоть иногда думать о других.

И я думал. Думал о ней. Думал о том, насколько гадко все вышло именно для нее. Мой отец поступил как настоящий обсосок. Извиняться за него — пустое.

Давить на Польку... Что ж, такие мысли были. Просто продавить и вернуть все на круги своя. Только изначально нужно было разобраться с самим собой. Почему я не заметил всего того пиздеца, что творился вокруг? Почему не поверил ей? Почему все-таки усомнился?

Я же понимал, что она не могла у меня ничего взять. Понимал и тем не менее поступил с ней, как тот самый обсо-сок...

— Любишь? — шепчет, а ее зрачки в этот момент расширяются.

Киваю. Касаюсь губами горячей щеки. Прижимаю Полю к себе так крепко, насколько только позволяет ее хрупкое тело.

Я ее люблю. Люблю, как никогда раньше. Все, что было до нее — пыль. Все, что было до нее — мрак.

Она такая моя. Родная, непохожая на других.

Наивная, милая, лучшая.

Улыбаюсь, но почти сразу морщусь.

— Полина! — верещит эта надоедливая девка за дверью.
— Ты издеваешься?

Полька тут же краснеет и пытается высвободиться. Пытается соскользнуть со стиралки и встать на ноги. Не позволяю. Удерживаю ее на весу и продолжаю смотреть в глаза. Они у нее колдовские. Зеленые. Любимые.

Как, оказывается, легко было сказать это вслух.

Произнести свое «люблю».

Почему я не сделал этого раньше? Почему не говорил? Может быть, тогда все было бы проще? Может быть...

— Полина! — снова этот мерзкий голос.

— Заткнись ты уже! — психую и бью кулаком по двери.

Девка замолкает. Слышу, как подключается Варька, что-то нудно ей объясняя.

Полька нервно оглядывается. Вижу, что смотрит на валяющееся на полу худы. Совершаю глубокий вдох и убираю руки, наклоняюсь, поднимаю кофту и протягиваю ее Полине. Она тут же натягивает ее на себя, прикрывая розовые сосочки. Порыв снова прикоснуться к ним губами становится неудержимым.

Обхватываю ладонью Полькину шею. Скольжу второй рукой по талии, задирая эту чертову тряпку. Добираюсь до груди. Сминаю упругое полушарие ладонью, а потом припадаю губами к острому сосочку.

Полька издает протяжный стон, и меня тут же пробивает на улыбку. Я купаюсь в ее удовольствиях. Разделяю их с ней. Кайфую.

У нее сумасшедшая грудь.

Она сама сумасшедшая. Моя.

— Вэл, — протестует, упираясь ладошками в мои плечи. — Пожалуйста, — бормочет. — У меня буду проблемы, — всхлипывает и выгибается дугой, когда я начинаю постукивать кончиком языка по ее втянутому в мой рот сосочку. — Вэл...

— Щас, — соглашаюсь, возвращаясь к пухлым, покрасневшимся губам. — Я так по тебе скучаю, — снова вжимаю ее в себя, до ломоты в костях.

Мысль о том, что она исчезнет из моей жизни, навсегда — убивает.

Моментами я думал, что свикся быть без нее за эти четы-

ре месяца, но одна встреча обнулила все к херам. Не могу. Я без нее не могу. Она же проблема на ножках. Ей нужен рядом человек, готовый защитить. Как она будет одна?

Поля всхлипывает. По ее щеке катится одинокая слеза. Стираю ее большим пальцем и сталкиваю нас лбами.

— Прости меня, — шепчу и не могу ею надышаться.

— Я не обижаюсь, — бормочет. — Не обижаюсь, — трясет головой.

Меня взрывает в этот момент.

— Поехали со мной. Возвращайся, слышишь?!

— Я не могу, не могу. Так нельзя.

— Кому? — злюсь и толкаюсь в нее бедрами.

Полька ахает.

— Кому, блядь, нельзя?! Поехали.

— Ты не понимаешь, — кладет ладони на мои плечи и чуть их сжимает.

— Объясни.

— Не здесь. Давай выйдем. Пожалуйста, давай выйдем отсюда.

Киваю и нехотя ее отпускаю.

Полина тут же поправляет одежду, приглаживает волосы и тянется к защелке.

На выдохе открывает дверь, за которой никого не оказывается.

— Сейчас я переоденусь, и мы поговорим. Только не здесь.

— Окей, — соглашаюсь, приваливаясь спиной к стене.

Полина облизывает губы и, кивнув, уходит.

Бегло прохожусь глазами по прихожей. Квартира давно требует ремонта. Он здесь с конца прошлого века не делался.

Убираю руки в карманы, прикрываю глаза, откидываюсь затылком на стену и как debil улыбаюсь.

Полина появляется минут через пять, уже в своей одежде. Надевает легкую куртку под моим пристальным взглядом, шнурует кроссовки.

— Я готова, — поворачивает голову, сцепляя пальцы в замок.

— Пошли, — киваю.

Мы выходим в подъезд, молча спускаемся по ступеням с третьего этажа. Оказавшись на улице, переглядываемся.

— Куда пойдем? — спрашиваю и протягиваю ей руку.

— Давай прогуляемся, — доверяет мне свою ладонь.

— Окей, — соглашаюсь.

Первые пару минут идем молча. Полина смотрит себе под ноги, а я крепче сжимаю ее пальцы. На улице уже стемнело. Зажглась ночная подсветка. Почему-то именно сейчас в голове всплывает, что Польша любит все эти фонарики.

— Ты сказала, что объяснишь, — напоминаю, теряя терпение.

— Да, — соглашается. — Вэл, я запуталась. Очень и очень сильно запуталась. Мне обидно, что ты поверил отцу, но я могу это понять. Правда могу. Но я не уверена, что он не

воплотит свои угрозы в жизнь.

— Поль...

Хочу объяснить ей, что ничего он ей больше не сделает, но Полька перебивает.

— Меня выселили из общаги. Жестко попросили уйти и намекнули, что отчислят. Ну, если я все же решу с тобой помириться. Мне сложно об этом говорить, потому что это твои родные люди, и это — нормально выбрать их. Я бы... — замолкает. — Выбрала. Если бы меня любили, я бы выбрала. Твой отец желает тебе лучшего, любит, поэтому...

Перевариваю все, что она сказала. Занимательно выходит. То есть дед тоже подключился? С чего бы вдруг?

Они решили, что доки я забрал из-за Польки? Меня переубедить не получилось, и они таким образом отыгрались на ней?

— Я сам решу, как мне жить. Не моему отцу решать, кого мне любить, Полина.

Полька едва заметно улыбается.

— Я лицемерно боюсь за себя, — грустно вздыхает. — Если мне сломают жизнь, помочь мне будет некому.

— А я? — протестую, как мальчишка в песочнице.

— Ты хочешь, чтобы мне ее сломали? — смеется.

— Ты поняла, о чем я.

— Поняла, — соглашается. — Я не знаю. Я боюсь. Я не уверена. Я запуталась. Я совсем одна, мне так страшно, Вэл. Так страшно, — всхлипывает и, притормозив, обнимает ме-

ня за шею.

В груди в этот момент что-то болезненно сжимается.

Меня словно прокручивают через мясорубку. Мясорубку из собственных страхов.

Это уже вошло в привычку — бояться за нее.

— Все будет хорошо, — шепчу, обнимая Польшу в ответ.

Обхватываю ладонями ее щеки и чуть-чуть отстраняюсь, так, чтобы заглянуть в зеленые глаза.

Полина поджимает губы. Я вижу ее слезы. Вижу ее страх. Ее отчаяние. Вижу и ненавижу себя за это. Ненавижу, потому что все это из-за меня. Я это допустил.

Говорил же себе не лезть. С самого начала говорил себе держаться от нее подальше, это было предчувствием. Нет, это было банальной адекватностью.

Мы с ней разные. Я подкинул ей проблем, сам того не желая, и если вначале думал, что боль ей причиню я сам, своими руками, то на деле эта миссия досталась моему отцу.

Сука!

— Полина, поверь мне, пожалуйста, — целую ее соленые губы, — поверь.

Полина часто кивает и снова прижимается к моей груди.

Мы стоим так бессчетное количество времени. Просто стоим, молчим и обнимаемся.

— Поехали ко мне, — нарушаю эту тишину первым.

Полина запрокидывает лицо, смотрит на меня, и я задерживаю дыхание, словно жду вердикт. Словно сейчас вершится моя судьба. Хотя именно так и происходит...

— Нет. — Вытирает мокрые щеки. — Давай оставим все как есть.

— Ты серьезно?

Неосознанно повышаю голос, потому что злюсь. Столько было сказано слов, а по факту — ни черта не изменилось.

— Вэл, я не готова. Я не могу.

Моргаю. Мой пьяный мозг не готов мириться с этим решением. Не готов идти на чертовы уступки.

— Можешь, — давлю голосом, крепко сжимая ее ладонь в своей.

Принудить. Заставить. Надавить.

В какой-то момент мне кажется, что иначе ни черта уже не выйдет. Эта мысль залетает глубоко в сознание и отпускает тормоза.

— Ты. Поедешь. Со мной.

— Нет!

— Я же могу и заставить, — произношу вполголоса.

Поля пытается отшатнуться, но у нее не получается.

— Пусти, — дергает рукой, чтобы высвободить запястье из моей ладони. — Вэл, это не смешно.

— Какого хрена, Полина? — спрашиваю, стараясь не повышать чертов голос, но дается это с трудом.

— Не кричи, — бормочет, отворачиваясь.

— Я само спокойствие. Мы поговорили, все выяснили. Можем ехать. Я тебя люблю, чего еще тебе нужно?! — ору, противореча своему первому заявлению.

Полина поджимает губы и смотрит на меня, как запуганный кролик.

Собираю всю свою волю в кулак, на секунды прикрывая глаза, и слышу мелодию, что стоит у меня на звонке.

Вытаскиваю телефон из кармана, на экране которого высвечивается — «Майя».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.